

Исконка

НОЯБРЬ ● 1971

год издания 146

газеты
«Ленинские
песни» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Песенка друзей

Слова В. ШУМИЛИНА

Песенка, песенка,
Песенка моя!
Улетела песенка
В дальние края.
Настигает песенку
Звонкий стук копыт,
Догоняет песенку
Маленький джигит.
С улыбкой доброй

песенка

Села на коня.
Как подарок песенка
Другу от меня.
Дальше, дальше,

песенка,

Над страной лети,
Ты друзей-товарищей
Собирай в пути.
Пусть друзья-

товарищи

Весело поют,
И олени быстрые

Музыка В. КУЗНЕЦОВА

В школу их везут.
Скорее в сани,
песенка,

Песенка моя!
Ты подарок, песенка,
Другу от меня.
Пусть гуляет песенка
От меня вдали,
Собирает песенка
Всех ребят Земли,
Не сидится песенке —
Просится в полёт.
Кто услышит песенку,
Тот и запоёт.
Ребят сдружила

песенка,

Песенка моя.
И мою же песенку
Дарят мне друзья.

(Ноты смотри на 3-й странице
обложки)

Рис.
Г. Ясинского

КРУЖОК НА КАРТЕ

С давних пор я люблю географические карты.

А началось это с одной пренеприятной истории. Не помню уже, в каком классе было дело, но я долго болел и пропустил много уроков. И вот вызывает меня историк. Всё бы сошло гладко — я довольно бойко отбарабанил заученный текст, — если бы учитель не велел мне подойти к карте древнего мира.

— Покажи Египет!

Я уверенно ткнул указкой в северо-восточный угол африканского континента, где любой — даже близорукий — различил бы жирную надпись: «Египет».

— Верно. А теперь покажи Двуречье!

«Двуречье... Двуречье»... — лихорадочно повторял я про себя. Двуречье. Не нужно было слишком сообразительным, чтобы догадаться, что речь идёт о двух реках. Я даже помнил, каких: Тигре и Евфрате. Но вот где они находятся — провалиться на месте! — понятия не имел. Искать надписи на карте не было времени, да и неловко — учитель рядом. В отчаянии я лихо обвёл указкой первые попавшиеся мне на глаза и протянувшиеся рядышком голубые линии.

Не знаю, какие мне подвернулись водоёмы, но класс дружно захохотал.

Было очень стыдно. Я оказался в глупом положении.

В оправдание могу сказать лишь одно: после этого случая я не возненавидел карты. Наоборот, стал часами пристально их рассматривать, изучать, сравнивать. И чем больше этим занимался, тем яснее понимал, каких друзей приобретаю.

Книги, которые я тогда запоем проглатывал, с помощью карт стали нагляднее, осязаемей. Вёл ли меня Буссенар в дебри Амазонки, следовал ли я вслед за героями Фенимо-

ра Купера великими прериями, — всегда перед моими глазами была карта. Я не представляю себе, как можно, скажем, совершить жюльверновское путешествие вокруг света в 80 дней... без карты.

За последние годы я довольно много путешествовал. И куда бы ни отправлялся — в горы Болгарии или в фиорды Норвегии, к берегам Тихого океана или Средиземного моря — всегда начинал свое путешествие с карты. Она — самый точный справочник, лучший проводник.

Н. ЕРМОЛОВИЧ

У моих друзей карт масса достоинств и один, правда существенный, недостаток. Они быстро стареют.

Человек преобразует землю: отвоевывает у моря сушу, перегораживает плотинами реки, строит города. В ближайшие годы в новой — девятой — пятилетке мы станем свидетелями того, как на карте нашей Родины появятся новые кружки портов и линии железных дорог. Там, где была пустыня, раскинутся водохранилища и хлопковые поля, судоходные каналы соединят реки, нити стальных нефтепроводов пересекут доселе безжизненные пространства тундры. Эти и многие другие поправки к географии обстоятельно изложены в Директивах XXIV съезда партии по новому пятилетнему плану.

Много работы ожидает картографов! Всё учесть, всё перенести на карты, чтобы они не отставали от нашей стремительной жизни. И эти

исправления на картах — поправки к географии — сами смогут о многом рассказать. О могуществе человека, разумно и смело преобразующего природу, о совершенной технике, без которой нечего было бы браться за такие грандиозные дела, об освоении далёких суровых земель, о романтике первопроходцев и новосёлов, так свойственной нашим пятилеткам.

Опередим же картографов и сами нанесём на карту ещё не существующие там значки. Но сначала посмотрим, что за ними скрывается.

СЧАСТЛИВАЯ НАХОДКА

Владивосток знают все. Находка известна меньше, хотя уже сейчас этот порт — крупнейший на Дальнем Востоке — стоит в одном ряду с ленинградским или одесским. А вот о бухте Врангеля большинству ребят наверняка совсем ничего неизвестно. Между тем, к восьмидесятым годам это будет самый большой в Советском Союзе глубоководный морской порт.

Строительство нового порта — да ещё такого крупного — событие в жизни любой страны, даже если она великая морская держава. Вспомните, сколько вы знаете новых портов, ну, хотя бы на Азовском и Чёрном морях? Что касается меня, то на Азовском море, где прошло моё детство, я таких вовсе не знаю, а на Чёрном — всего лишь один Ильичёвск.

Дело в том, что для создания большого и сложного производственного комплекса, каким является современный морской порт, требуется ряд совершенно обязательных предварительных условий. Прежде всего, экономическая необходимость и целесообразность. К примеру, всё расширяющиеся и крепнущие торговые связи Советского Союза со странами Ближнего Востока, Африки и Азии. В частности, колоссальные поставки техники, громоздкого оборудования на строительные площадки ещё возводимых тогда Асуанского гидроузла в Египте и Бхилайского металлургического комбината в Индии потребовали резко увеличить потоки грузов через Чёрное море — самым близким и выгодным путём. А так как расположенный в черте города одесский порт было невозможно значительно расширить, решили построить новый — Ильичёвск. Благо, и место подходящее нашлось — глубоководный морской залив Сухой лиман. И с подъездными путями, и с рабочей силой особых затруднений не было — рядом Одесса.

Вот и бухту Врангеля выбрали совсем не случайно. Но прежде чем рассказать о ней, отправимся туда. Проще всего это сделать морем из Владивостока.

...Бухта Золотой Рог. Вверх амфитеатром уходит город. Работяга буксир оттаскивает за корму наше судно от причала. Потом, развернувшись, идём собственным ходом. За кормой остаются сопки. Впереди просторы Амурского залива... Вас, разумеется, может заинтересовать, почему Амурский залив находится здесь, на побережье Японского моря, тогда как сам Амур впадает в океан почти на тысячу километров северо-восточнее. Объясняется это тем, что когда-то устье реки Суйфун ошибочно приняли за устье Амура. Так на картах и появился Амурский залив.

Географическая карта Дальнего Востока в названиях морей, бухт, городов, проливов — это историческая летопись подвигов замечательных людей. Боты и шхуны смелых

русских моряков - исследователей первыми бороздили здесь моря, пересекали океан, бросали якоря у неведомых островов.

Так получилось и с Находкой. В середине прошлого века адмирал Геннадий Иванович Невельской разослал экспедиции для исследования морей, омывающих только что открытое Приморье. Корвет «Америка», отправленный на юг, в Японское море, попал в свирепый тайфун. Ураганный ветер поломал мачты, огромные волны вывели из строя рулевое управление. Корабль несло на прибрежные скалы, гибель казалась неизбежной. Но берега раздались, волнение стихло. Моряки поняли, что очутились в заливе, изобиловавшем удобными бухтами. Самую спокойную, где экипаж отремонтировал корвет, назвали «Находкой», а весь залив в честь парусника — по его имени: Америка. Было это летом 1859 года. С тех пор — вот уже более 100 лет — эти названия на картах Дальнего Востока.

...Не дойдя совсем немного до мыса Поворотный, наш корабль сворачивает налево, в залив Америка. Широкий водный простор. Синяя-синяя вода. Берега — сопки с округлыми вершинами, поросшие дубняком. Находку видно издали: лес корабельных мачт на рейде, лес порталых кранов у причалов. Маленький посёлок в царское время, Находка сейчас — бурно растущий город. Подобно Ильичёвску—спутнику Одессы она должна была разгрузить владивостокский порт, но, преуспев в этом, ушла далеко вперёд.

Находка — город-порт, его посёлки, расположенные в долинах рек и по склонам сопок, вытянулись вдоль берега почти на 40 километров. Опясывающая бухту шоссейная дорога частично пробита в скальных породах.

Здесь самостоятельные торговый, пассажирский и рыбный порты, судоремонтный завод, рыбокомбинат, холодильники. Находка принимает суда под разными флагами, но особенно много японских. Это понят-

но: Япония — наш сосед, экономические связи с ней развиваются из года в год. Япония — главный покупатель дальневосточного леса, она же поставляет нам машины для его разработки. Интересно, что некоторые рыбные блюда мы приготавливаем по японским рецептам — специально на экспорт, например, сушёного кальмара. Островная держава испытывает недостаток в строительном щебне, речном песке, гравии, мраморе. Ей выгоднее всего получать всё это из совсем близких советских дальневосточных портов. И для нашего Дальнего Востока Япония удобный поставщик машин, свежих фруктов. Эти и другие товары составляют важные статьи

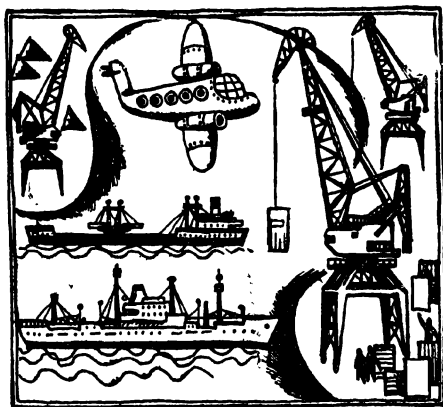

так называемой прибрежной торговли.

Ни днём, ни ночью не замирает порт. И всё-таки даже ему уже не управиться с обилием грузов. Неподалёку от Находки в бухте Врангеля начато строительство нового порта, который после завершения всех работ вместит четыре нынешних Находки.

Бухта Врангеля — удобная естественная гавань величиной примерно три с половиной на полтора километра. У её берегов построят не мало ни много 65 (!) основных и вспомогательных причалов. Они протянутся на много километров. Порт этот будет не просто современным, а принципиально новым, полностью механизированным и автоматизированным. Скажем, сей-

час во всём мире всё больший размах получает чрезвычайно удобная — надёжная и дешёвая — перевозка грузов в больших специальных ящиках — контейнерах. В любой точке земного шара отправитель сам загружает такой контейнер любым товаром, а потом его любым транспортом — парходом, самолётом, на железнодорожной или автомобильной платформе — доставляют в любую другую точку планеты. Так вот, в бухте Врангеля воздвигнуты контейнерные причалы, которые понадобятся для будущих сухопутных трансконтинентальных перевозок контейнеров из Японии через Сибирь в Западную Европу.

На угольном причале всего за 1 час смогут погрузить 4—6 тысяч тонн угля. Другие причалы предназначены для древесной технологической щепы, сырья целлюлозно-бумажной промышленности.

Новый порт станет не только самым большим, но и самым глубоководным в стране. У некоторых причалов предусматриваются глубины, позволяющие принимать суда водоизмещением 120—150 тысяч тонн. Хорошие дороги свяжут бухту Врангеля с Находкой.

Строительство идёт уже полным ходом. В скалах грохочут взрывы — прокладываются дороги. Углубляют дно бухты.

Скоро рядом с Находкой можно будет нарисовать на карте ещё один якорёк — условный значок нового морского порта.

ПУТЬ К НЕСМЕТНЫМ СОКРОВИЩАМ

В 1885 году была открыта первая в Сибири железная дорога Екатеринбург — Тюмень. Дальше на север дорога не пошла. То ли царское правительство считало Тюмень краем света, а протянувшиеся к Ледовитому океану неоглядные земли совсем гиблыми, то ли хотело сохранить в неприкосновенности свою таёжную тюрьму, только севернее не было стальных путей.

За Тюменью начиналось таёжное море с редкими вкраплениями, словно островками, городков и посёлков. Пути-дороги проторили к ним сибирские первопроходцы, переселенцы, ссыльные. Сюда в разные времена гнали по этапу декабристов, народовольцев, большевиков. Пуще самой строгой охраны сторожила их необъятная, безлюдная и суровая тайга. Зимой — непролазными сугробами да жгучими морозами, летом — топкими болотами да кусачим гнусом.

И всё-таки настоящих людей ничто не могло сломить: ни суровость климата, ни дикость, необходимость этой земли. Ссыльные, поселенцы ставили срубы, распахивали пустоши, кормились тайгой: добывали рыбу и дичь, кедровые орехи, ягоды, грибы. Самые образованные, дальновидные предполагали, что это не все богатства Сибири, что самые ценные её сокровища до поры до времени сокрыты в глубоких, труднодостижимых недрах.

Ещё Михаил Васильевич Ломоносов писал: «Российское могущество прирастать будет Сибирью...» Пророческие слова! Но сколько же времени, сколько сил понадобилось, чтобы они стали явью, делом сегоднешнего дня. Академик Иван Михайлович Губкин уже в наше время — в начале тридцатых годов — утверждал, что на северо-восточных склонах Уральского хребта должна быть нефть. Но как проверить эти догадки, как разведать огромные, поистине бескрайние территории, где ни дорог, ни жилья. Как взять эти богатства?

...Передо мной 43-й том второго издания Большой советской энциклопедии. Он издан всего лишь в 1956 году, а уже безнадежно устарел. Подумать только, в перечне полезных ископаемых Тюменской области нефть даже не названа! А сейчас — всего 15 лет спустя — по добыче нефти Тюмень занимает уже 3-е место в стране. В девятой пятилетке в Западной Сибири создадут крупнейшую нефтяную промышленность. Нефти здесь будут добывать 120—125 миллионов тонн — в 4 раза больше, чем перед войной получала вся страна!

Другое сокровище Тюмени — природный газ. Здесь уникальные по запасам его кладовые, каких во всём мире насчитываются единицы. Только на севере одной Тюменской области разведанных запасов газа больше, чем на всей территории такой огромной и богатой полезными ископаемыми страны, как Соединённые Штаты Америки.

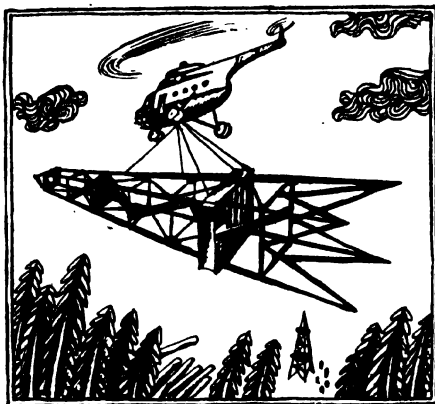
Преодоление таёжных просторов остаётся пока главной задачей добытчиков богатств Сибири. Ещё лет десять назад здесь не было ни земных, ни воздушных дорог. Передвигались только по лесным тропам на лошадях или оленях. Ну, и, разумеется, реки выручали, хотя сроки навигации в этих местах необыкновенно короткие — всего 28—30 дней в году.

Первыми в тайге появились неумомимые тракторы, за ними вездеходы, тягачи, позднее в небе загудели вертолёты и самолёты. Поначалу намораживали ледовые дороги и по ним тракторами перетаскивали буровые вышки. Когда получили тяжёлые вертолёты, сразу решили приспособить их к самому сложному делу — транспортировке вышек. И уже летом 1963 года по воздуху впервые перебросили специально сконструированную буровую установку и множество материалов для бурения.

А теперь разработан совершенно новый и дерзкий способ перемещения вышек — на воздушной подушке с помощью всего лишь одного

трактора. А ведь вышка — это сорокаметровая стальная громада!

Много сделано сибирскими геологами, разведчиками, буровиками. Ещё больше предстоит совершить. И трудно переоценить помощь, какую окажет им строящаяся железная дорога Тюмень — Тобольск — Сургут.

От Тюмени до Тобольска уже можно провести рядышком две тонкие линии, разделить их поперёк на равные отрезки и через один затушевать. На вашей карте появится новая железная дорога, её первый готовый участок. Он сдан во временную эксплуатацию. Даже пассажирские поезда ходят. Идут они, правда, медленно, словно бы проверяя новый путь, частенько останавливаясь без всякой видимой причины — по крайней мере для пассажиров — среди тайги или у какого-либо болота.

Ох, уж эти болота! Их здесь великое множество. Есть такие трясины, которые не могут проморозить до дна самые лютые морозы. Вот и приходится сначала вычерпывать болото ковшами экскаваторов, а потом укладывать на осушенное дно толстую земляную подушку будущего железнодорожного полотна.

...Поезд подходит к длинному ажурному мосту, перекинутому через Иртыш. Скоро Тобольск. Вот и белокаменный Кремль на высоком берегу Иртыша. Тобольск — бывший столичный град Сибири. Его воеводы правили землями, прости-

равшимися до Тихого океана. А до этого выше по Иртышу Ермак разбил войско сибирского хана Кучума. Тобольск дал Родине много известных людей: химика Менделеева, поэта Ершова (автора сказки о Коньке - Горбунке), композитора Алябьева, художника Перова.

Сам Тобольск, как и многие другие небольшие города Западной Сибири, жил в надежде на грядущие перемены, на то, что и эти дальние и суровые края приобщатся к бурному экономическому развитию всей страны. И вот такие времена настали, пришёл черёд Западной Сибири.

От Тобольска до Сургута вдоль будущей трассы железной дороги лучше всего пролететь на вертолёте. Собственно говоря, только так её и можно сейчас обозреть. Тайга здесь разная. То густые тёмно-хвойные леса, то — ближе к Оби — среди болот сосенки не выше человеческого роста, тонкие стволы, редкая хвоя.

Внизу широкая просека — посредине рельсовый путь. Но вот он обрывается. Видны тепловоз, путеукладчик, поодаль бульдозеры, самосвалы, экскаваторы. Под нами одна из строительных площадок. Их несколько. Дорогу строят и с разных концов, и с середины. В одних местах прорубают просеку, в других готовят земляное полотно, строят мосты, в третьих укладывают звенья рельсов и шпал — так называемое верхнее строение пути.

Дорога Тюмень — Тобольск — Сургут — около 700 километров, примерно равна магистрали Москва—Ленинград. На рабочую карту уже нанесены будущие станции. Интересно, что названы они не по населённым пунктам, как это обычно делается, — таких пунктов здесь

просто нет, а по ближайшим речкам, возвышенностям и даже ручейкам и болотам. Впрочем, ручейки и болота, как правило, тоже безымянные. И тогда появляется разъезд Светлана. То ли дочку часто вспоминал кто-то из проектировщиков, записывая это название, то ли любимую... Но важно, что разъезд есть, и Светлана принесла в тайгу движение, свет, жизнь...

Эта новая жизнь разбудила Сургут, почти 400 лет не испытывавший заметных потрясений. Теперь Сургут — гигантская стройка, объявленная всесоюзной комсомольской. Стремительно растёт новый город, его посёлки строителей, нефтяников, энергетиков. Дома возводят с водопроводом и центральным отоплением, открывают магазины, кафе. Над крышами — частокол телевизионных антенн. Откуда же здесь, почти у Полярного круга, телевидение? Огромная круглая антенна распласталась над приземистым одноэтажным зданием. Это чуткое ухо день и ночь следит за эфиром и, отзываясь на позывные спутника, летающего вокруг Земли, настраивает на него свою раковину. Станция «Орбита» принимает московские телевизионные передачи, которые через радиорелейные линии поступают в города нефтяников Нефтеюганск и Нижневартовск.

Особенно заметны перемены на берегах широкой, полноводной Оби. Строят большой речной порт, мощную ГРЭС, через пойму реки ведут труднейший участок железной дороги.

...Продлите на ваших картах линию железной дороги от Тобольска до Сургута. Путь к сибирским сокоушицам уходит всё дальше на север.

(Окончание следует)

СЛЕДЫ НА КОЛОННАХ

ЗОЛОТОЙ купол Исаакиевского собора виден из любой точки Ленинграда, с Пулковских высот, с Муринского ручья, а в ясную погоду и из Кронштадта.

Тысячи гостей приезжают в Ленинград из далёких уголков нашей страны и из-за рубежа, идут к великому творению Монферрана, любуются чудесными росписями внутри здания, поднимаются на смотровую площадку собора, с которой весь город, как с вертолёта, разглядывают барельефы врат главного входа.

Иногда кто-нибудь из них обращает внимание на странные выбоины, которыми изъедены несколько колонн северо-западного портала. Выбоины похожи на следы ударов огромной кирки.

Кто мог изуродовать так отполированный до зеркального блеска гранит? Для чего? И когда?

Колонны молчат...

1.

КОНВЕРТЫ были давно припасены для праздничных писем. Александр достал их из полевой сумки и разложил на столе. Заточил карандаш. Приготовил бумагу.

В красном уголке было тихо. Только откуда-то из коридора приглушённо доносилась музыка. Вероятно, дневальный включил радио.

Первое письмо будет, конечно, матери и сестрёнкам в далёкое Власово, на Ярославщину. Они, наверное, давно ждут, а он никак не может собраться и выкроить несколько свободных минут. Сегодня повезло — никаких вызовов, несмотря на то, что было уже 4 тревоги.

Он придвинул к себе листок бумаги и аккуратно написал в правом верхнем углу:

«6 ноября 1941 года. Ленинград.

Дорогие мои!

Поздравляю вас с праздником Великого Октября. Как вы живёте? Получаете ли весточки от Володи и Вани? Я от них ничего пока не имею. У меня служба идёт как обычно — ученья, тревоги, выезды на задания. В общем — всё нормально...»

Рука остановилась.

Хотелось написать многое. Хотя бы о том, как обезвреживали бомбу на Охте. Стопятидесятку. Она упала недалеко от моста и ушла в землю метра на три. Откапывали долго. А когда откопали, у бомбы вместо взрывателя оказался пустой алюминиевый цилиндр. Не могли понять, почему. Потом решили, что среди немецких

рабочих, изготовлявших боеприпасы, тоже есть друзья — антифашисты.

...Или о том, каким суровым стал город. Как забирали в леса и обкладывали мешками с песком Медного всадника. Как снимали с гранитных постаментов знаменитых коней у Аничкова моста...

Но слов не хватало. Как обычно, когда рассказать нужно многое, с чего начать — не знаешь. Да и времени в обрез.

И получались у него одинаковые бесцветные письма: «... у нас всё нормально. Служба идёт хорошо...»

«После войны расскажу», — подумал Александр и улыбнулся.

Радио в коридоре вдруг замолкло. Музыку словно обрезало ножом. Вместо неё после паузы послышался голос диктора: «Внимание! Воздушная тревога! Воздушная тревога!»

И сразу же отрывисто и чётко застучал метроном.

Александр прислушался. В городе, за Невой, были сирены.

Он машинально посмотрел на часы. Было 22.10. Пятый налёт за день. Ради праздника фрицы стараются. Устрашают...

О, как ненавидел он сейчас идущие в тёмном вечернем небе самолёты с чёрными крестами на крыльях и лётчиков, хладнокровно сбрасывающих тяжёлый бомбовый груз на город, ставший ему родным!

Но на этот раз отбой наступил необычно быстро. В 22.20 перестал стучать метроном. Наступила глухая тишина. Потом снова начали передавать музыку.

«Видно, зенитчики не подпустили!» — подумал Александр, и снова принялся за письмо.

В красный уголок заглянул старшина Федулов.

— Белавин! К командиру роты! Быстро!

Ну вот... Придётся дописывать ночью.

Он собрал бумагу, конверты, надел на карандаш наконечник, сделанный из гранатного капсюля, сложил всё в полевую сумку.

Потом снова достал карандаш и написал после слов «всё нормально»: «Сейчас иду на ответственное задание. Выполню его с честью. Не беспокойтесь обо мне».

2.

— **НАЗНАЧАЮ** вас старшим расчёта, Белавин. Примите команду.
— Есть принять команду.

Александр посмотрел на трёх красноармейцев, стоявших у входа в кабинет командира роты.

Ребята незнакомые. Молодые. Наверное, года двадцатого или двадцать первого. Но ничего, крепкие.

— Бомба на улице Союза Связи у Главпочтамта. Определите калибр, тип взрывателя, возможность транспортировки. Если невозможно обезвредить, подорвите на месте.

— Ясно, товарищ капитан.

— Желаю удачи. Действуйте.

Уже в грузовике, грохотавшем по улицам города, Белавин познакомился с расчётом, спросил:

— Приходилось когда-нибудь откапывать бомбы?

Ребята переглянулись.

Один из них прогудел обиженно:

— Мы уж штук двадцать в дым пустили. Не сомневайтесь.

— Это хорошо, — сказал Белавин.

И больше не проронил ни слова до самого места.

3.

БОМБА упала у перекрестия улицы Союза Связи и переулка Подбельского, прямо против арки Главпочтамта. Проломив асфальт, она ушла в грунт, оставив после себя солидную дыру, засыпанную землёй. Со стороны было похоже, будто начали копать котлован для ремонта телефонной магистрали под улицей и поспешно бросили работу, подняв только слой дорожного покрытия. У места падения бомбы кто-то уже поставил знак запрета движения.

Поодаль, за аркой почтамта, маячила фигура дежурного дружинника.

Уже совсем смерклось. Тёмные дома двумя угрюмыми шеренгами стояли вдоль улицы. Ни единого проблеска света не пробивалось из окон наружу. Жители строго соблюдали правила светомаскировки. Белавин достал из кузова аккумуляторный фонарь с синим фильтром и осмотрел место падения бомбы. Двухсотпятидесятка, — определил он. Теперь нужно было узнать глубину залегания бомбы. Взяв у одного из пиротехников щуп, Белавин погрузил его в рыхлую землю. Стальной стержень вошёл на всю свою полутораметровую длину, не встретив сопротивления. Бомба лежала глубже.

Он знал, что двухсотпятидесятки пробивают землю на глубину 5, 6, даже 7 метров. Но бывает, что бомба останавливается и в двух метрах от поверхности. Всё зависит от высоты, с которой сбросил её самолёт, и от того, пикировал этот самолёт на цель или просто выбрасывал свой смертный груз из бомбовых отсеков.

Первое исключалось. Пикировать фашист не мог. Налёт происходил вечером, и пилот в условиях плохой видимости не мог бомбить выборочно.

«Максимум метрах в трёх от поверхности, — мысленно определил Белавин, разглядывая обломки асфальта. — Вон здесь какая толщина. Видно, улицу крыли в несколько слоёв — слой на слой... Интересно, почему не сработала? Неисправность взрывателя или...»

Это «или» было самым неприятным для пиротехников, занимавшихся НАБами*. В девяноста случаях из ста оно значило, что взрыватель у несработавшей бомбы — замедленного действия, вероятнее всего, с часовым механизмом. И на какое время замедления механизм поставлен, знали только те, кто готовил эту адскую машину к действию.

«Будем надеяться, что она без часиков», — подумал Белавин, и эта мысль немного успокоила.

Он обернулся.

Над проломом в асфальте стояли пиротехники его расчёта с лопатами в руках, за ними — дружинник с красной повязкой на рукаве зимнего пальто. В синем свете фонаря повязка казалась почти

* НАБ — сокращенное название: неразорвавшаяся авиабомба.

чёрной. Увидев, что приехавшие на грузовике красноармейцы ходят рядом с проломом, он осмелел и подошёл ближе.

— Когда упала? — спросил Белавин.

— Минут тридцать — сорок. Мы сразу же позвонили в штаб, — ответил дружинник, и Белавин по голосу понял, что перед ним девушка, и, кажется, очень молодая.

— Это вы поставили знак запрета движения?

— Да.

— Правильно сделали. Молодец.

Девушка ничего не ответила.

«Похвалил её, как школьницу, — подумал Белавин. — Глупо... Надо было как-нибудь по-другому...»

Но тут же отбросил от себя эту мысль и быстро спросил:

— В почтамте кто-нибудь есть?

— Нет. Мы их предупредили. Все ушли. И из этих домов тоже, — девушка показала рукой на тёмные окна со стёклами, перекрещенными бумажными полосками.

— Куда ушли?

— В убежище.

Он снова чуть было не сказал «молодец», но вовремя спохватился и, подойдя к дежурной, произнёс тихо:

— Простите, девушка, но вам тоже нужно будет уйти.

Она вскинула голову и в полутьме Белавин увидел смутный овал её лица и тугую прядь волос, выбившуюся из-под шапки-ушанки.

— Но у меня пост...

— Не возражайте. Сейчас здесь командую я. И отвечаю за всё тоже я. Идите. И передайте людям в убежище — всё будет в порядке. Понятно?

Дежурная стояла несколько секунд, словно не решаясь тронуться с места, словно хотела сказать ещё что-то, потом резко повернулась и пошла по переулку Подбельского к улице Герцена.

Белавин дождался, когда она повернула за угол, и только после этого сказал своим:

— Давайте, ребята.

4.

БЫЛО два пути.

Один очень короткий — погнать машину за мешками с песком, навалить защитную подушку, отгораживающую арку почтамта и фасады домов от бризантного действия заряда и заложить над бомбой толовую шашку. Детонация шашки вызовет взрыв. Песок примет в себя осколки и приглушит ударную волну.

Это был лёгкий путь, но рискованный. Он не гарантировал сохранность домов вдоль улицы и самого здания Главпочтамта, построенного еще в XVIII веке талантливым архитектором Львовым. Да и не в архитектурной ценности было дело. Была арка, знакомая всем ленинградцам. Арка, справа от которой — вход в Главную почту города. Там, под огромным стеклянным куполом, билось живое сердце Ленинграда. И оно не могло остановиться. Оно связывало город со всей страной. И если бы оно замерло на несколько дней, пульс города дал бы перебой, и ещё неизвестно, чем бы всё это кончилось...

Другой путь был долгий, исполненный терпения и величайшей опасности. Его нужно было пройти предельно осторожно, потому что на каждом шагу там человека подстерегала смерть. Но зато этот

путь гарантировал зданиям полную сохранность, а людям — спокойную работу.

И существовала ещё одна причина, заставившая Александра Белавина сразу же отвергнуть первый вариант.

Своему расчёту он сказал всего девять слов:

— Ребята, завтра — седьмое ноября. Будем бить траншею вдоль улицы.

Они сразу поняли всё.

И по тому, как взялись за лопаты, и по тому, что не было задано ни одного вопроса, Белавин увидел, что расчёт действительно опытный. Только люди, много работавшие с НАБами, могли понять его мысль, хотя она была очень проста.

Нужно повернуть бешеную силу тротила в том направлении, где она ничего не сможет разрушить, где только одна пустота. То есть создать условия для направленного взрыва. Вырыть траншею от места падения бомбы в сторону Исаакиевской площади. Тогда передний фронт ударной волны пройдёт по линии наименьшего сопротивления вдоль улицы Союза Связи и, вырвавшись на простор площади, ослабнет, потеряет свою сокрушительную мощь. Здания не будут задеты. Быть может, только судорожно дрогнет земля да вылетят стёкла в окнах.

5.

БЕЛАВИН вдруг вспомнил, как покупал конверты несколько дней назад. Он купил их совершенно случайно здесь, на Главпочте, находясь по делам в этом районе.

Огромный операционный зал был сумрачен — стеклянный купол его был защищён листами фанеры, досками и песком. В приёмных окошечках светились слабыми звёздочками маломощные лампочки — здесь, как и во всём городе, экономили электроэнергию. Были даже посетители, в основном военные, но среди них он заметил трёх или четырёх гражданских в демисезонных пальто.

Он подошёл к ближайшему окошечку и на стеклянной витрине увидел конверты. Простые, из плотной синей бумаги, с напечатанными для адреса строчками. Он давно уже отвык пользоваться такими. В части все письма писались на листках, вырванных из школьных тетрадей и сложенных треугольничком. Никаких марок, никаких почтовых ящиков — треугольнички сдавались в канцелярию части, откуда поступали на военную почту. А тут... На некоторых конвертах были даже марки с видами павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Александр сначала даже растерялся, увидев конверты. Они были словно пришельцами из довоенного мира. Из того мирного времени, когда Ленинград ещё не знал затемнений, и пронзительные вопли сирен, возвещавших о начале очередного налёта, показались бы любому ленинградцу дикими и неуместными.

Он подошёл к окошечку и тронул пальцем стекло, под которым лежали конверты.

— Это... продаётся?

Девушка за сеткой перегородки подняла голову. У неё были усталые глаза:

— Конечно. Тридцать две копейки штука.

— Дайте мне три. И марки чтобы... покрасивее...

...Сейчас почтамт был пустынен и тёмен. Он словно ожидал взрыва, который мог ударить по стенам в любую минуту.

Его судьба была в руках Белавина и бойцов пиротехнического расчёта. Только от них зависело — жить зданию или превратиться в гору разбитого кирпича.

6.

ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА лопата одного из пиротехников, работавших над бомбой, лязгнула о металл.

— Кажется, стабилизатор, — сказал он негромко.

Александр прыгнул в яму. Встав на колени, пошарил рукой в рыхлой земле. Ладонь натолкнулась на погнутый стальной лист. Пальцы ощупали обводы.

Да, пиротехник не ошибся. Это был верхний конец пера стабилизатора. Акульим плавником он торчал из земли.

Отбросив лопатой крупные комья, Александр обнажил его почти до корпуса. Потом вынул из кармана куртки стетоскоп, вставил в уши пластмассовые наконечники и приложил чувствительную головку к металлу.

Закрыв глаза, прислушиваясь.

Сильно шумела кровь в ушах. Но сквозь её пульсирующие толчки из глубины, казалось, из самого центра земли, проклёвывался ещё один звук, едва уловимый, похожий на постукивание крохотных стальных молоточков. Стук то усиливался, то вдруг почти исчезал,

и не понять было — существует он на самом деле, или это обман напряжённого слуха.

Рука с головкой стетоскопа двинулась вниз по плавнику, врылась в землю.

Пиротехники наверху ждали.

Александр ещё плотнее прижал голову к стали.

Нет. Это не обман слуха. Молоточки внизу чеканят секунды.

— Взрыватель с часовым замедлителем, — сказал он, поднимаясь с колен и выдёргивая из ушей наконечники стетоскопа.

7.

ВСЕ ТРИ пиротехника замерли на своих местах.

«Вот оно! — подумал Белавин. — Это первое отключение. Отключение человеческой воли. Что придёт за ним? Страх? Или тупое равнодушие?...»

Один из пиротехников закурил, глубоко затянулся несколько раз, бросил папиросу под ноги и задавил огонёк сапогом.

— Значит тикает? — спросил он.

— Да, — ответил Белавин.

— Ну что ж... Попытаемся сделать так, чтобы не тикало.

— Придётся попортить немецкие часики, — сказал второй. — Не з первый раз.

— Надо копать, — отозвался третий.

— Да, нужно как можно быстрее добраться до ее головы, — сказал Белавин. — Иначе...

— Ясно.

Четыре сапёрных лопаты снова вошли в грунт, расширяя и углубляя яму.

Через 10 минут стабилизатор бомбы был окопан со всех сторон. Показалась верхняя часть корпуса. Работать стало легче. Кончилась щебёнка, обычно подстилающая асфальт. Пошёл влажный песок, а за ним голубая кембрийская глина. Она резалась лезвиями лопат почти без напряжения. Влажные пласты аккуратно ложились на края ямы.

Расчёт работал молча, быстро, и Белавин в который уж раз мысленно благодарил командира роты за этих спокойных ребят, умеющих открыто смотреть в глаза самой смерти.

Когда бомба больше чем на две трети показала своё холодное тело из земли, Александр сказал:

— Хватит. Теперь я один. А вы — гоните траншею.

Пиротехники выбрались наверх и начали снимать асфальтовое покрытие на средней полосе улицы.

8.

ПОД ВЛИЯНИЕМ сопротивления грунта бомба изменила свой ход под землей. Она лежала наклонно, почти на боку, головой в сторону арки почтамта. Будто слепой бездушный металл сам нащупывал цель.

Александр вновь прослушал стальное тело.

Взрыватель продолжал размеренно штамповать секунды.

Сколько их осталось до взрыва? Десять? Пятьдесят? Сто?

Ленинградцам были знакомы бомбы, которые разрывались через час после падения. Некоторые срабатывали через десять, пятнадцать, тридцать минут. Но были и такие, которые лежали спокойно по нескольку суток.

Он снова взглянул на часы.

Стрелки показывали 24.20. Значит, уже наступил праздник. Они приехали сюда в 22.50. По словам дежурной, бомба упала минут за сорок до их приезда. Примерно в 22.15. Значит, механизм замедления включился два часа пять минут назад.

Два часа пять...

«Предположим, что механизм замедления поставлен на три часа, — сказал сам себе Александр. — Они всегда ставят многочасовые взрыватели на какое-нибудь кругленькое время... Тогда у меня в запасе пятьдесят пять минут. За это время ребята должны прокопать ещё метров пять-шесть траншей. Неглубоко. Только, чтобы ослабить грунт в направлении взрыва. А за эти пятьдесят пять минут я должен добраться до взрывателя и вывернуть его из болванки или как-нибудь остановить часовой механизм...»

Он взял лопату и срезал пласт глины в направлении к голове бомбы. Ещё один пласт. И ещё...

Вот оно — сужение. Отсюда литой корпус заострялся к концу.

...Только не давать воли нервам. Не сделать какого-нибудь лишнего движения... Спокойствие, точность и быстрота — вот что сейчас нужно. И не смотреть на часы...

Лопата осторожно скребла по металлу.

Весь мир остался за стенками ямы. Мир тех, кто сейчас спит в тёмных тревожных комнатах, кто сейчас сидит в убежище. Мир ночных смен на заводах. Город. Запертые двери. Тёмные окна. Всё позади. Впереди только бомба, нацеленная на арку Главного почтамта, и там, в самой узкой части её — взрыватель.

...Ещё несколько пластов глины отброшено в сторону.

Александр отложил лопату. Вынул из чехла нож. Концом лезвия начал расчищать вершину конуса.

Синий свет «переноски» рисовал чёрные причудливые тени. Они ползали, прыгали, перекрывали друг друга. Казалось, будто у него не одна рука, а несколько...

— Товарищ Белавин! — окликнули его сверху.

— Что?

— Мы начали глубоко только у воронки, а дальше берём всё мельче. Чтобы взрыв пошёл вроде бы в гору. Так дело быстрее... Правильно?

— Правильно, Груздев. Сколько сделали?

— Метров пятнадцать. Скоро шабашим. А у вас как?

— Порядок. Главное — вы поторапливайтесь.

— Гоним.

Пиротехник ушёл.

...Золотые ребята!

9.

НОЖ ЧИРКНУЛ по стали и ушёл в глину.

...Всё!..

В мёртвом свете фонаря Александр увидел скруглённую вершину бомбы. Пальцы нащупали выступ взрывателя.

...Вывернется? Кажется, он без секрета. Может, попробовать затяжным ключом?..

Он вылез из ямы. Подошли пиротехники.

— Товарищ Белавин, у нас уже.

— Спасибо, — сказал он. — Идите к машине. Отдыхайте.

— Мы? — удивлённо протянул Груздев.

— Я приказываю!

- Ну что ж... Тогда идёмте, ребята. А вы?
- Попробую его вывернуть.
- Товарищ Белавин, может быть, я...
- Нет. В таких случаях рискует только один. Идите.

10.

ОНИ НЕ УСПЕЛИ дойти до машины, которая стояла на улице Герцена. На полнеба полыхнула зарница.

Качнулась под ногами земля. Железный гром прокатился по крышам домов. Здания вокруг Исаакиевской площади отбросили его назад, и он вернулся, ослабленный, но всё ещё грозный.

И тишина.

— Это наша! — вскрикнул один из пиротехников, и все трое бросились со всех ног к арке почтамта.

11.

ПРИКАЗ № 573

Министра внутренних дел Союза ССР

город Москва

6 августа 1957 года

В ночь с 6 на 7 ноября 1941 года, работая в составе пиротехнического расчёта по ликвидации невзорвавшейся авиабомбы замедленного действия, рядовой войсковой части Н БЕЛАВИН А. Ф. проявил самоотверженный героический подвиг. Откапывая бомбу у самого здания почтамта г. Ленинграда, пиротехники обнаружили, что в ней работает часовой механизм взрывателя. Чтобы спасти почтамт от разрушения, нужно было сделать направленный взрыв путём удлинения котлована по направлению улицы.

Зная, что бомба может взорваться в любую минуту, рядовой Белавин продолжал работу. В момент завершения работы последовал взрыв, от которого здание почтамта не пострадало. Так, свято выполняя военную присягу, рядовой Белавин ценой своей жизни спас почтамт от разрушения.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и отвагу, проявленные при выполнении задания командования, рядовой Белавин А. Ф. посмертно награждён орденом Ленина.

ПРИКАЗЫВАЮ:

За проявленный самоотверженный героический подвиг при выполнении боевого задания командования рядового БЕЛАВИНА АЛЕКСАНДРА ФЁДОРОВИЧА зачислить навечно в списки пиротехнической роты Краснознамённой войсковой части Н.

Приказ объявить всему личному составу войск МВД СССР.

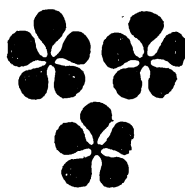
Министр внутренних дел СССР Дудоров

12.

И ПОСЕЙЧАС колонны Исаакия несут на себе следы того взрыва. Проходя мимо собора со стороны улицы Союза Связи, обратите внимание на северо-западный портал. Там, на высоте 10—12 метров, на зеркальном граните колонн вы заметите несколько глубоких выбоин.

Остановитесь.

И вспомните рядового пиротехнической роты Н-ской войсковой части Александра Белавина, одного из славных солдат, защищавших наш город в трудные годы войны.

Александра МИШАРИНА

Мой край

Край мой милый —
С белыми метелями,
Мой навек —
С прямыми чудо-елями.

Лето в нём короткое,
Но вольное,
В сосняке духмяном
Медноствольное!

Коми край — он мой,
С дождливой осенью,
С косачами,
С бархатною озимью.

Мой он —
С уходящими болотами,
С разными делами
Да заботами.

С ветровыми
Студными порывами,
Да ещё —
С людьми
трудолюбивыми!

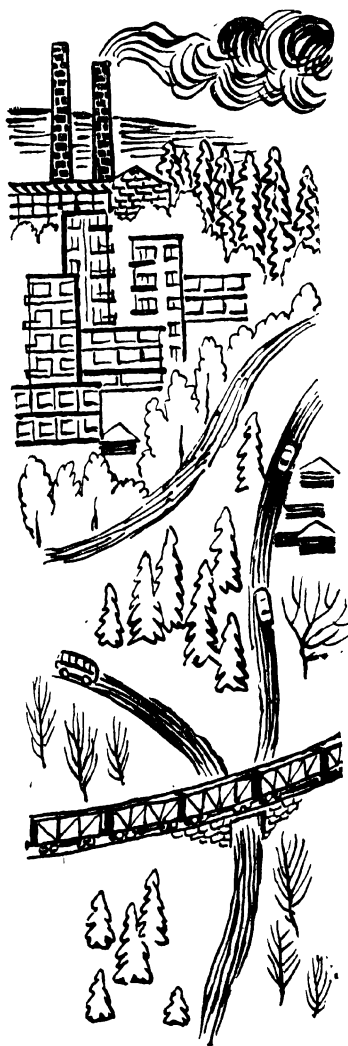
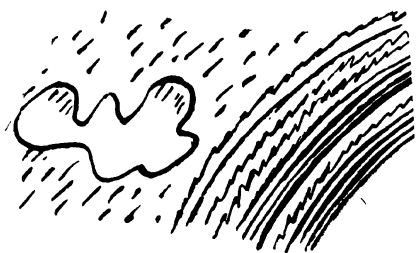

Рис. Г. Монсеевой

Здравствуй

Здравствуй, милая тропинка!
Здравствуй, речка-синевая!
Здравствуй, вешняя росинка,
Лес, проснувшийся едва!

Здравствуй, милый сердцу воздух
Светлой Родины моей!
Здравствуй, небо в белых звёздах
И цветение полей!

Здравствуй, радость в каждом ^{доме,}
'Добрый ветром полни грудь!
Мой народ свободный — коми —
Здравствуй!
Вечно счастлив будь!

Л е т о

Яркость радуги-подковы —
Символ счастья для земли!
...Круторогие коровы
В кочковатый луг зашли,
За берёзкой белоствольной
Весел танец стрекозы.
Ребятишкам в речке — вольно! —
Словно не было грозы...

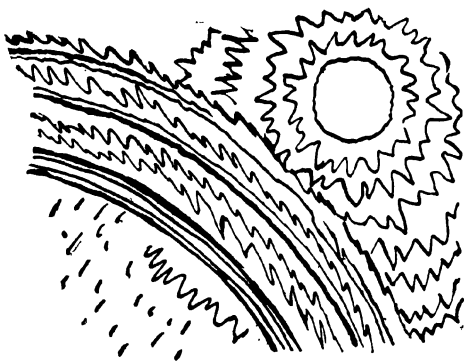
Много ли нужно мне?

Ну, а много ли нужно мне?
Только неба синяя бездна,
Только солнца свет
В вышине...
Только б жизнь сложилась,
Как песня!
Пусть нелёгкими
Будут пути
И когда-то кончается
Сказка,
Только было бы
Где найти
И участие друга,
И ласку!
Лишь бы доброй была
Весна
И дороги мои
Не кончались.
Лишь бы
'Людам была я нужна,
Лишь бы
Люди во мне
Нуждались!

Учитель

Едва порог перешагну я
Школьный —
Уже сдержать волненье
Не могу.
Ведь сердцу здесь
Так дышится привольно,
Как на цветущем
Утреннем лугу.
Я в класс вхожу
С учениками вместе,
И в этот миг
Внезапной тишины
Пытливых глаз
Лучистые созвездья
Доверчиво
Ко мне устремлены.
Я слышу ясно
Голос сердца
Строгий:
— Ты им глаза на этот мир
Открой!
Чтоб стать могли для них
Твои уроки
Началом жизни —
Щедрой и большой.

Непокорённая

На обрыве ель растёт ветвистая,
А река весной враждует с ней:
То стреляет брызгами неистово,
То уносит почву от корней.
Ель всё выше поднимает голову,
И кора всё твёрже на стволе,
И всё глубже
По обрыву голому
Ель корнями тянется к земле!

Слова

Как слова порой бывают странны:
Эти — ранят,
Те — врачуют раны,
И на ветер брошенное слово
Может много принести нам злого.
Люди!
Говорить я буду с вами
Светлыми, сердечными словами!

Перевод с коми
С. ВОЛЬСКОГО и С. МАКАРОВА

ВАЛЕНТИНА ЧУДАКОВА

Когда я была мужчиной...

(Невыдуманный рассказ)

Рисунки П. Вискова

ДНЁМ в боевое охранение не ходят: приказом комбата запрещено. Из-за опасения демаскировки и снайперского огня. Да и ночью-то в «Прометей» желающих прогуляться немного. Только лишь по самой крайней необходимости. Фашисты лупят из миномётов почти без передышки. И никакой роши в прямом смысле этого слова тут нет: торчат из снега ёлки-палки с изувеченной корой. Вот и всё.

С каждым миномётным залпом мы с Евгением Петровичем Роговым зарываемся носом в снег, и лишь только пролетают осколки, поднимаемся, как по команде.

...В полумраке я не вижу лиц пулемётчиков сержанта Непочатова, но знаю, что все они здесь. Сидят на корточках, привалившись спиной к земляной стенке землянки. Официальное знакомство окончено. И ребята, видимо, ждут, что ещё скажу. А я ничего такого значительного сказать не могу.

— Скучно вам здесь?

— Да нет, не очень. Привыкли. — У Непочатова приятный и уверенный голос. — Вот разве Пырков наш скучает. Украсть ему тут, бедняге, нечего.

— Ну, чего-чего-чего? — добродушно ворчит Пырков. — Я ж молчу...

Теперь я вижу его толстые улыбающиеся губы и верхний ряд белых крепких зубов с золотыми коронками на резцах. Пырков — бывший знаменитый тюменский вор-домушник, и товарищи иногда добродушно подтрунивают над его прошлыми приключениями. Но пулемётчик он хороший и парень неплохой.

Я подлезла под плащ-палатку, укрывающую пулемёт, и долго стреляла в темноту. При вспышке ракет было видно, как мои пули взрывают снежную опушку на бруствере вражеской траншеи.

На прощание Непочатов сказал:

— Вы о нас не беспокойтесь. Мы тут как дома. В случае чего, отсюда ни шагу.

Окончание. Начало в «Искорке» № 10 за 1971 г.

В НАШИ внутренние дела начальство вмешалось помимо моей воли. Как-то днём мои солдаты, выпавшись после ночной вахты и подготовив пулемёты к новой ночи, буквально изнывали от безделья. Противник в этот день нас совсем не беспокоил. И даже дежурные собаки-миномёты не тявкали. Фрицы справляли своё рождество. Пускали затейливые фейерверки, дудели в десятки губных гармошек, простуженными голосами орали «Лили Марлен».

Полковая батарея дала несколько залпов по курящимся дымками вражеским землянкам и, исчерпав дневной лимит снарядов, умолкла. Несколько минут было тихо, потом немцы опять запиликали и запели с ещё большим азартом.

Я решила собрать всех свободных от вахты в дзот к деду Бахвалову и провести политинформацию. Засела за газеты. За этим занятием и застал меня комбат Радченко. Он пришёл в сопровождении моего прямого начальника — командира пулемётной роты Ухвата.

В присутствии комбата я робела, как школьница перед суровым учителем. И никак не могла забыть нашу первую с ним встречу. Помню, как у меня затряслись поджилки, когда навстречу мне из-за стола поднялся двухметровый, буйноволосый, красивый человек и зарокотал басом:

— Оваций не будет. Для тебя восторгов я несколько устарел. Ах, юная девица командует взводом, — оставим

для репортёров. А мои требования предельно ясны: в обороне ли, в бою, но чтоб пулемёты работали, как вот этот мой хронометр! — Комбат поднёс к моему лицу часы величиною с блюдце. — В случае чего... одним словом, я не из жалостливых...

С командиром пульроты у меня с самого начала отношения как-то не сложились. Встретил он меня почти также, как и солдаты. Даже присвистнул от изумления. Впрочем, тут же себя утешил: «Баба — командир. А что ж тут такого? Обыкновенное дело». За ужином он вдруг стал настойчиво меня потчевать водкой и называть уменьшительным именем, от которого я совершенно отвыкла. В родной дивизии меня все до единого звали просто «Чижик». Но ведь то были друзья-товарищи. А тут вдруг ни с того, ни с сего. И я ошестинилась:

— Оставьте, товарищ старший лейтенант. У меня есть звание и фамилия.

Ухватов обиделся и вроде бы перестал меня замечать. Впрочем, он мне не мешает, не ставит палки в колёса. И за это спасибо. А вообще-то принцип двойного подчинения — штука не из приятных. Но таков уж удел всех приданных средств. А мой взвод придан стрелковой роте Рогова, но в то же время и Ухвату подчинён. Вот и разберись тут судья праведный...

«Чего это они явились вдвоём? — подумала я. — Не миновать взбучки». И не ошиблась.

Комбат пророкотал:

— Ну, взводный, как дела?
— Нормально, товарищ капитан.

— Нормально, говоришь? — комбат вдруг бурно задышал и рывком открыл полевую сумку, едва не оборвав ременный язычок. Он выхватил целую кучу бумажек и потряс ею у меня перед носом.

— А это что?

— Не могу знать...

— Не изображай Швейка! Отвечай по-человечески!

— Не знаю, товарищ капитан.

— Зато я знаю. Рапорты твоих подчинённых. Вот это что. Бежать от тебя хотят.

— Неужели все? — промялила я унылым голосом. — И Непочатов?

— Все до единого, — вместо комбата ответил Ухватов с какой-то весёлой беспечностью.

Комбат, бегло просмотрев бумажки, его осадил:

— Отставить! От Непочатова и его ребят рапортов нет.

— Да ж я не знал! Думал...

— Ты никогда не знаешь то, что тебе положено знать! — отрезал комбат.

Ухватов сконфузился:

— Товарищ капитан, при моей подчинённой...

— Ничего. Проглотишь. К тому же она не солдат.

Ухватов вдруг ни с того ни с сего начал похихатывать. Комбат опять долбанул:

— Чего ты хихикаешь, как пьяный китаец? Над собой ведь смеёшься, бездельник ты этакий! Твоя прямая обязанность — помочь молодому командиру, провести соответствующую работу с солдатами. Впрочем, разговор с тобою ещё впереди.

Ухватов повесил нос. А у меня отлегло от сердца. Было отрадно сознавать, что не ошиблась в Непочатове.

— Вот что, младший лейтенант, собери-ка своих свободных от вахты в центральный дзот, — приказал мне комбат. — Я им покажу анархию!.. Да никак ты сама хочешь бежать? Опомнись, мать-командирша! Солдата пошли.

Вскоре все были в дзоте деда Бахвалова. Комбат сказал мне:

— Извини, что не приглашаю. Разговор будет не для девичьих ушей. Одним словом, мужской. — Он пропустил в дзот Ухватова и плотно захлопнул за собою входную дверь.

Долго в дзоте было тихо. Потом вдруг поднялся неистовый хохот. На улицу вышел усмехающийся комбат и хмурый Ухватов. Оба ушли, не сказав мне больше ни слова.

В дзоте стоял немыслимый галдёж. Дед Бахвалов рывкнул:

— Встать, мазурики, смирно!

— Вольно, — махнула я рукой, пряча усмешку. Невыносимо пахло жжёной бумагой.

Я едва не расхохоталась: мятежные «рапорты» пошли на «козьи ножки». Не стала я дознаваться, какой вёл разговор комбат. И так всё было ясно.

У ДЕДА Бахвалова большая неприятность. Ни с того ни с сего отказал пулемёт. Забастовал, и точка. Когда я пришла в дзот, дед, не ожидая моих вопросов, с досадой доложил:

— Бьёт одиночными. А до причины не докопаться, хоть ты тресни.

— Надо срочно вызвать оружейного мастера.

Дед Бахвалов по своему обыкновению начал хорохориться:

— А что нам оружейник? Нас шесть рыл, и все, слава богу, пулемётчики не шалтай-болтай, и то ничего не можем сделать...

— Хорошо, Василий Федотыч, — согласилась я, — давайте проверим ещё раз. Не получится — вызовем мастера. Разбирайте!

— До скольких же разов его, анафему, разбирать? — возмутился старик.

Помня совет старшего лейтенанта Рогова, я беспредельно вежлива со строптивым чапавцем, но не уступаю ему ни в чём. Вот и сейчас:

— Василий Федотыч, как вы думаете, что бы было, если бы вдруг все подчинённые начали пререкаться с командиром? Солдаты с вами, вы со мной, я — с ротным, тот — с комбатом и... «пошла писать губерния»!

Деду крыть нечем. Рыкнул, как раненый медведь:

— Разбирай, мазурики!

Сделали полную разборку пулемёта. Поочерёдно осмотрели и ощупали каждую деталь. Заново перемотали сальники, сменили прокладки, подтянули возвратную пружину, вывели зазоры. Вычистили всё до зеркального блеска, смазали веретёнкой. Собрали — бьёт одиночными, как карабин! В чём же дело?..

Я послала солдата Березина к ротному телефону вызвать мастера, против чего теперь дед Бахвалов уже не возражал. В ожидании оружейного мы понуро молчали. Пулемётчики так зверски курили, что сизый дым в помещении без вентиляции ходил густыми слоями, перемещаясь от пола к потолку и обратно. У меня разболелась голова, и я вышла на воздух.

На обороне, как почти всегда днём, было тихо. Только где-то справа и слева тренировались наши и чужие снайперы. Медленно и плавно кружились редкие снежинки, лёгкие и сухие, как пух. Пожилой узбек с рогатыми усами старательно подметал траншею сосновым помелом и пел всё одно и то же:

Кызымычка, кёль, кёль,

Кызымычка — хоп!..

До наступления темноты оставалось не более двух часов. Я была озабочена и раздосадована. Снять пулемёт с обороны — ведь это же ЧП!.. А по всей видимости, снять придётся, вряд ли мастер устранил неполадку на месте.

Пришлось доложить командиру роты.

Рогов не возмутился. Наоборот, как всегда успокоил:

— Неприятно, но переживём, мой друг. В крайнем случае на ночь «дегтярёва» из резерва поставим.

Сразу отлегло от сердца. И головной боли как не бывало. По дороге в дзот я сама себе сказала: «А всё-таки ты везучая, чертовка! Попасть к такому командиру, как Рогов...» И тут же себя укорила: «Опять?» Должно быть, от почти постоянного молчания у меня появилась неприятная привычка высказывать свои мысли вслух.

В дзот я не вошла, а ворвалась. И сразу к пулемёту. Рывком выхватила из гнезда приёмник.

Дед Бахвалов, сняв очки, растопырил на меня глаза, а в них немой вопрос: «Какая это тебя муха жиганула?»

Но мне было не до деда и не до вопросов. Самым тщательным образом я ощупывала пятку подающего рычага. Так и есть: чуть-чуть, едва ощутимо скрошилась. Приказала деду Бахвалову:

— Пошлите к Лукину. Взять на время приёмник.

— Это для какого жлешего?

— Пошлите, вам говорят! А то сама пошлю!..

— Тьфу, — сплюнул дед на свои кургузые валенки-корабли, — не было печали... — Но за приёмником послал.

...Больной «максимка» ожил и заговорил. Четверть ленты. Пол-ленты. «Та-та-та!..» Полная! Я вытерла вспотевший лоб рукавом фуфайки.

Торжествующе взглянула на старого пулемётчика:

— Ну что, Василий Федотыч?

С того как с гуся вода. Развернул крутые плечи, приосанился:

— Как в воду я глядел, мазурики!

О господи, в воду он глядел! Ну и дед! Посадишь такого в лужу, как же... Я падаю грудью на пулемётный короб и откровенно хохочу. «Мазурики» пыхтят и пыжятся от непреодолимого смеха, но вслух смеяться не смеют. Попробуй-ка посмейся над командиром, да ещё над самим Бахваловым!

Дед бубнит на низких нотах:

— И какие такие тут могут быть смехи? Волос долог, да ум короток...

Я не обращаю внимания, как и не слышу.

СРАЗУ ЖЕ после обеда в центральной траншее поднялась немыслимая суетня. Командиры бегали как угорелые. Бестолково метались солдаты. И по всей обороне, как колокола громкого боя, зазвонили - забрякали сигнальные гильзы.

Боевая тревога?!

Нет. В наш полк пожаловал сам командарм — генерал-лейтенант Поленов. И вот-вот нагрянет на передний край.

Вместе с двумя заместителями в траншее появился комбат Батченко. Зыкнул, как в рупор на катере:

— Эт-то что за сабантуй? Смир-р-но! По мес-там!

Встревоженные шумом, взбесились фашисты. Как голодный ишак, заревел шестиствольный «дурило». Заскрипел «скрипун». Долбанули тяжёлые миномёты. Траншею, как метлой подмело: попрятались братья славяне кому куда ближе. Ходуном заходила земля. Нестерпимо запахло порохом и селитрой. Линию обороны заволокло чёрно-сизым дымом.

Нет на свете ничего отвратительнее собственной беспомощности. Человек может привыкнуть к бомбёжке, к посвисту пуль, к методичному обстрелу по площади, но к шквальному артналёту — никогда. Перед этой слепой разрушительной силой беспомощен любой храбрец. Тут уж держись за землю и молчи. Сиди, как крот в норе, да пот вытирай.

Но в данном случае участку обороны Рогова, то есть нам, просто повезло. Слишком близко вражеские позиции, и вся масса озверевшего металла летит через наши головы. Видимо, фрицы опасаются поразить своих. Так что нам достаётся гораздо меньше, чем ближним тылам. Нашу траншею прицельно гвоздят только ротные миномёты. Но в обороне они не страшны, разрушительного вреда от них — никакого.

Артналёт длился с четверть часа. Пушки и миномёты ревели теперь с обеих сторон. Наверняка наши артиллеристы по такому случаю перерасходовали боевой лимит.

ОБСТРЕЛ застал меня в блиндаже Рогова. Тяжёлые взрывы бухали где-то совсем рядом за нашими спинами. Землянка вздрагивала. Лампа-гильза моргала. Со щелястого потолка, как живой, струился песок. Рогов меня насмешил. После одного особенно громоздкого взрыва он не то в шутку, не то всерьёз сказал:

— Залезла бы ты, право, под нары на всякий случай...

Я захохотала:

— Хорош командир... под нарами! А что, Евгений Петрович, ведь не бывает худа без добра. Пожалуй, командарм не приедет. Ведь не пустят же его в такую катавасию.

— Удержишь такого, как же, — буркнул Рогов. — Да ему сам чёрт не брат.

Убедившись, что им не угрожает штурм, фрицы постепенно ослабили, а потом и вовсе прекратили огонь. Вначале умолкли дальнобойки. Потом подавился «дурило». Захлебнулись миномёты. Наши тоже замолчали. И опять у нас на обороне тишь да гладь.

Евгений Петрович Рогов оказался прав. Едва мы с ним выбрались из укрытия, как перед нами возникла богатырская фигура комбата.

— Едет, — сказал он вроде бы будничным тоном.

Но выдавала краска, бурыми пятнами выступившая на острых его скулах. Волнуется. И я разволновалась не на шутку. У меня не было никакого желания столкнуться с генералом Поленовым нос к носу, и я, преодолев робость, обратилась к комбату:

— А может, мне спрятаться от командарма, товарищ капитан? А?

— Это зачем же? — строго возразил комбат.

Я промямлила:

— А так. На всякий случай. Вы же знаете, что по документам я числюсь мужчиной. А тут вдруг... И вообще...

Комбат подумал самую малость и решил:

— А пожалуй, спрячься от греха подальше. Всякое может быть. Как увидит командарм такую пигалицу — враз взвод отберёт, а нам всем шеи намылит. Он таковский.

— Иди в санпункт, — посоветовал Рогов. — Туда генерал не заглянет. А если и заглянет — сойдёшь за санитарку, — добавил комбат. — Петлицы убери под фуфайку: звание, так сказать, замаскируй.

КОМАНДУЮЩИЙ пробыл у нас больше часа. Хмурый, грозный, не спеша прогуливался по траншее. Его интересовало буквально всё: оружие, система огня во взаимодействии, сигнализация и связь, распорядок дня и снабжение. Несколько солдат генерал Поленов заставил раздеться и разуться, чтобы лично удостовериться в состоянии белья и портянок.

Разговаривал он только с солдатами и низовыми командирами, а на свою многочисленную свиту не обращал ни малейшего внимания. Придаться было не к чему, и командарм явно подобрел, а под конец и вовсе развеселился. Уж очень понравились ему мои

ребята — сытые, здоровые, смешливые. Потрогав деда Бахвалова за роскошную бороду, генерал пошутил:

— Траншеею ты ею, что ли, подметаешь?

Дед не растерялся:

— А это уж как придётся.

— Как вас, братцы, кормят?

— Хорошо, товарищ командующий!

— Приварка хватает?

— Хватает. Ещё и остаётся.

— А остатки куда деваете?

— Доедаем, товарищ командующий!

Генерал рассмеялся. Похвалил:

— Молодцы, честное слово, молодцы.

Он обратил внимание на видного, красивого Пыркова, который пришёл из боевого охранения ко мне по делу и в ожидании темноты застрял у деда Бахвалова на огоньке.

— О чём думаешь, солдат? — вдруг спросил его командарм.

Пырков руки по швам, грудь колесом:

— Как бы стать генералом, товарищ командующий!

— Зачем тебе?

— А чтоб все боялись, как вас.

— О-хо-хо-хо! Комдив, да они меня уморят, остряки этикие. — А где же ваш взводный? — спросил командарм у деда Бахвалова.

— Не могу знать, товарищ командующий. Они нам не докладывают.

— Позвать! — приказал высокий гость.

Комдив вопросительно взглянул на командира полка, тот —

на комбата. Комбат почти-
тельно:

— Зуб у него разболелся,
товарищ генерал-лейтенант. В
медсанбат отпустили, пока
тихо.

— Жаль, хотелось бы позна-
комиться. Как, братцы, он па-
рень-то ничего?

— Куда там! От самого гос-
пода бога по блату нам до-
стался.

— Хват?

— Богатырь!

— Моща!

— Потомок Суворова.

— Ну что ж, приятное от-
радно слышать. Передайте
ему: хвалю. И за вас и за по-
рядок.

— Есть передать!

— Ну, прощайте,
друзья мои. Готовь-
тесь. Скоро будет
жарко. Я на вас на-
деюсь, дорогие сибиряки.

Так неожиданно благополучно прошёл
для нас визит грозного
командарма. Во вся-
ком случае, никто не
пострадал от его гнева.
А может быть, слухи о свирепости ге-
нерал-лейтенанта По-
ленова преувеличены.
Сделать из мухи сло-
на могут даже на
фронте.

Долго я корила се-
бя за малодушие. И
зачем, спрашивается,
спряталась? Ничего
бы он мне не сделал,
раз всё оказалось в
порядке. Да и не верю
я, что человек, пони-

мающий шутку и умеющий
смеяться, может быть бесчело-
вечным. В другой раз прятать-
ся не буду. Не дам повода для
насмешек.

Трое суток мои однополчане
обрывали телефон Рогова,
требовали меня, орали в труб-
ку «здорово, чудо-богатырь»,
«привет потомку Суворова»,
«как поживает зуб» и неистово
хохотали. Евгений Петрович
охрип, увещевая озорников.

В ДЕНЬ Красной Армии
мы перешли в наступле-
ние. Взломали оборону про-
тивника на всю глубину. Осво-
бодили Карманово, Вязьму,
Гжатск и вступили на Смолен-

щину. Мне несказанно везло в моей командирской судьбе. За месяц непрерывных боёв я потеряла только двоих: погиб славный сержант Шамиль и был ранен пулемётчик Абрамкин.

Дед Бахвалов как-то раз необыкновенно ласково мне сказал: «Видно, кто-то крепко за вас богу молится. Храни вас царица небесная и ныне, и присно, и во веки вечные». Я его укорила, но дед, как всегда, ловко вывернулся: «Я ж в годах. И не то чтобы уж очень верю, а так, больше по привычке имя божье поминую». Как-то во время короткой передышки он, подвыпив самую малость, стучал кулаком по столу и грозно вопрошал своих подчиненных: «Признавайтесь, мазурики, кто из вас сказал, что женщина на фронте — это вред и беспорядок? Ась? Да я за нашего взводного троих, нет, пятерых мужиков не возьму!» «Мазурики» зафыркали, как коты, один за другим выскочили на улицу и вволю поохотили на просторе. Вот и попробуй возьми нашего деда за руб двадцать. Ах ты, лукавая бо-рода!..

В конце марта зимнее наступление кончилось. Мы снова вставали в позиционную оборону на Дорогобужском направлении. Вот тут-то меня генерал-лейтенант Поленов и прищучил.

Как-то уже летом только-только я заснула после ночной вахты, над моей головой забрякала сигнальная гильза-

колокол. Срочный вызов на позицию! ЧП.

Сунула ноги в сапоги, впопыхах никак не могла найти поясной ремень и пилотку, а гильза вызванивала нестерпимо звонко. Я схватила автомат, нахлобучила на голову каску и, как была, без ремня, непричёсанная, понеслась к центральному дзоту. Вылетела из-за колена траншеи и остолбенела: целый взвод начальства — комбат, комполка, комдив, ещё какие-то чины и среди них генерал! Небольшого роста, седоватый, с тёмными сердитыми глазами. Сразу догадалась: Поленов!

— А это ещё что за чудо природы? — спросил генерал, указуя на меня перстом. — Откуда она вырвалась? Батюшки, да ещё и в галифе!..

Наверное с перепугу, я огрызнулась:

— «Вывалась»! Как, повашему, должен человек когда-нибудь спать? И при чём здесь галифе?

— А ты с кем это так разговариваешь? — строго спросил генерал. — Знаешь ли, кто я?

Из-за спины командующего сам комдив Моисеевский делал мне устрашающие глаза и грозил пальцем. И комбат какие-то гримасы строил. Но я уже не могла остановиться — так зла была на всех генералов вместе.

— Я-то знаю! А вы знаете, кто я? К вашему сведению, я здесь хозяйка! И нечего без спросу секретной сигнализацией распоряжаться...

— Что же это такое, полковник? — повернулся всем ту-

ловищем генерал Поленов к нашему комдиву.

Комдив навтыяжку:

— Это командир пулемётного взвода, товарищ командующий.

— То есть как это командир?! — возмутился командующий. — Эта пичужка — командир взвода? Вы неуместно шутите, полковник!

— Не шучу, товарищ командующий.

— Командир! Да какой из неё командир! Кто позволил? Да кто ей звание присвоил?

— Вы, товарищ командующий.

— Я?!

«Ну всё, — почти безразлично подумала я, — откомандо-

вала. Э, чему быть, тому не миновать. Двум смертям не бывать. По крайней мере хоть душу отведу.» И ринулась в атаку:

— Ага, то «чудо-богатырь», а теперь: «кто позволил да кто присвоил»? Справедливо. Ничего не скажешь.

— Постой, постой... Это ты о чём, собственно?..

— Всё о том же. Небось, когда зимой приезжали так хвалили, а сейчас...

— Постой. Что ты несешь и с моря и с Дона? Да я тебя и в глаза не видел!

— Так я ж тогда от вас спряталась! А вам доложили, что взводный зуб пошел лечить. Помните?

— Помню! — генерал захохотал, а отсмеявшись, укорил всё мое начальство разом: — Эх вы, мудрецы! Всыпать бы за такое дело, да уж больно забавно. Друг-то мой, ну тот, который бывший вор, жив?

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

— Награжден?

— Так точно. Медалью. За зимнее наступление.

— А ты?

— В сорок втором Звёздочкой. За Ржев.

— А теперь?

Я отрицательно покачала головой.

— Почему? В наступление-то ведь ходила?

— Как все, товарищ командующий.

— Комдив, в чём дело? Не представили?

— Представляли, но наградной лист нам возвратили. Она же в списках мужчиной числится, а мы представляли как женщину. Вот и не получилось.

— Что за вакханалия? — возмутился генерал Поленов. — Это какой же идиот женщину с мужчиной спутал?

— Вы, товарищ командующий! — брякнула я и тут же прикусила язык.

Но он не обиделся. Засмеялся и сказал:

— Ладно, забавная Афина-Паллада. Приглашай в гости. Поговорим.

В МОЕЙ землянке мы беседовали с глазу на глаз не менее часа. Моя короткая биография интересовала генерала Поленова во всех под-

робностях. Слушал он, переспрашивал, похихатывал, дружески хлопал меня по плечу и даже, как маленькую, дважды погладил по голове. А прощаясь, подарил мне новёхонький пистолет-пулемёт, который снял с шеи своего щеголеватого адъютанта.

Вскоре из штаба армии пришла важная для меня бумага. Мне присваивалось очередное звание. Я награждалась вторым орденом Красной Звезды. А главное, по воле генерала Поленова, из мужчины снова превращалась в женщину. Но легче мне от этого не стало. Наоборот.

Нас почему-то с большим опозданием переобмундировали в летнюю форму. И вдруг оказалось, что для меня прислали женскую одежду, которая мне была нужна как петуху тросточка. Юбчонка — не шагнуть. Гимнастёрка — обдергушка. Когда я рассматривала на свет тонкие чулки, не зная, что с ними делать, дед Бахвалов мне посочувствовал:

— Надолго собаке блин. Что ж они, мазурики, не понижают, что человеку не на танцульки бегать, а по траншее шастать!

Но заменить ненужные мне вещи на мужские оказалось не так-то просто. Отпросившись у самого комбата, я лично ходила на полковой пункт вещевого довольствия. Там только руками развели: «Богу — богово, а женщине — женское». Возмутилась ужасно: «Какая я вам ꙗ чёртовой бабушке женщина, если воюю за мужчину!» Но и это не помог-

ло. Так и парилась весь июнь в суконных галифе и шерстяной гимнастёрке. Хорошо хоть, что из женской рубашки вышла отличная пара портянок, а то хоть на голые ступни сапоги натягивай. Неизвестно, сколько бы мне ещё томиться, если бы вдруг комдив Моисеевский не возмутился моим неавантажным внешним видом: на коленях и на локтях дырки, на галифе сзади заплатка бурого цвета. Комдиву я всё и объяснила. Буквально через день получила всё с иголки, мужское разумеется. И даже с доставкой на дом. Так до самой Победы и не снимала штаны-галифе.

И вообще оказалось, что лучше бы на время войны мне так и числиться мужчиной. А то что получалось.

Ранило меня под Смоленском, и после госпиталя я попала в другую дивизию и даже в другую армию, где меня абсолютно никто не знал. Взяли мы, к примеру, Оршу. (Я

уже тогда пулемётной ротой командовала.) Всех командиров рот представили к ордену Александра Невского. И меня тоже. Все получили, а я — шиш. Как пошёл наградной лист в верха — так и стоп машина. Командарм усомнился: женщина в восемнадцать лет — командир роты? Не может быть. Написал: «Уточнить». А пока уточняли, меня опять ранило. И так было не раз. Ехиднейшие резолюции накладывали товарищи генералы на моих наградных и аттестационных бумагах. «Доктор списки перепутал?» «Штабники, совсем зарапортовались? Я вас!..» «Это кто? Он, она или оно?» И ещё похлеще. Раз за четыре меня представляли к званию капитана, и всё безуспешно. Конечно, мы воевали не за ордена и не за чины. Но всё равно мне было обидно. И выходит, что славный генерал Поленов зря восстановил истину. Честное слово, мужчиной воевать было легче.

ЧАСТЬ III

Человек себя лепит

Глава I

ГДЕ ОНИ, ПОБЕДЫ?

Юла бежал в школу. Не шёл, а именно бежал. Он теперь всегда бегал.

Была зима. Но денёк — не очень холодный. Юла — без пальто. А портфель прикреплён ремнями за спиной.

Бежит Юла по мостовой, почти вплотную к панели прижи-

мается. Чтобы транспорту не мешать. А по панели ребята идут. Хоть и привыкли уже они к этому странному бегуну, но каждый непременно что-нибудь крикнет:

— Привет чемпиону!

— Эй, троллейбус не задави!

— Дыши носом, парень!

— До Москвы всего шестьсот сорок девять километров осталось!

Замечания всегда шуточные. Но не злые. А кто-нибудь из

Продолжение. Начало в «Искорке» № 7 за 1971 г.

девочек рукой помашет: мол, счастливого пути!

Бежит Юла. Легко бежит. Широкий, свободный, маховый шаг. Так тренер учит, Игнат Васильевич. Оказывается, борцу и бегать надо уметь. Непременно.

Вот уже два года занимается Юла у Игната Васильевича.

Изменился Юла здорово. Ему-то самому не очень заметно. Человек сам про себя мало знает. И меняется он не сразу, не вдруг. День за днём, день за днём. Капля за каплей. Неприметно.

А ребята всё видят. Неужели вот этого Юльку всего года три назад Заморышем звали?

А тренер всё недоволен.

— Силушки малость поднакопил, — говорит он. — Но сила — это самое простое.

И Юла тут каждый раз Григория Денисовича вспоминает.

— А ноги... Ноги вот слабоваты, — говорит тренер.

И на следующее занятие приносит листок, исписанный мелко-мелко. Станный почерк у Игната Васильевича. Буковки — крохотулечки. Хоть в лупу изучай. Но чёткие. И каждая — сама по себе, отдельно от соседки.

На листке — серия упражнений для ног. На полгода.

И каждый день теперь Юла тренирует ноги. Ляжет на спину, а ногами штангу выжимает. Поднимет, опустит. Опять поднимет...

Приседания. Двадцать раз. Тридцать раз...

Летом бег босиком по песку... Очень трудно по песку бегать. Ноги вязнут.

— Упорство в тебе есть. Одобряю, — говорит тренер и, как награду, протягивает ещё листок.

А на нём — новые упражнения.

Вот так... Всё двигаться, всё вперёд. Главное: не останавливаться.

— Человек себя лепит! — не устаёт повторять Игнат Васильевич.

Однако ох как это непросто — лепить себя! Каждый день, без всяких перерывов, неделя за неделей, месяц за месяцем, каждый день — зарядка, пробежки, упражнения, не считая занятий по борьбе.

Сколько мальчишек приходило в секцию! Позанимаются месяца два-три и исчезают. Незаметно как-то так, тихо. Были — и нет их.

Надоело...

Надоело приёмы разучивать. Сто раз один и тот же бросок повторять.

Надоело каждое утро — зарядку.

Надоели кроссы.

Надоели лыжи.

Хватит...

А Юле — нравится. Нравятся кроссы и зарядки, и лыжи. И всякие приёмы разучивать. Интересно.

Только одно плохо: по-прежнему в борцовском зале он — самый низкорослый. Левофланговый. И хотя окреп, а всё-таки...

И вес — наилегчайший. Понятно? Не лёгкий. Не полулёгкий. Не легчайший даже. А наилегчайший. Значит, самый-самый лёгкий. Легче уж некуда.

Недоволен Юла. Главное, как только очередная схватка на ковре — так у Юлы очередная «баранка». Проигрыш.

Два года — и хоть бы одна победа. В секции у них четыре паренька наилегчайшего веса. «Мухачи» — называют их. И в названии скрытая усмешка. Пусть добродушная, даже ласковая, а всё же — усмешка. Уж больно худенькие!.. За два года со всеми четырьмя переборолся Юла. По многу раз. И все бросали его на лопатки. Даже смешно. Может же человек хоть одну победу одержать? Одну?

Ну ладно, ну Юла понимает, конечно: те ребята уже по три-четыре года борьбой занимаются. И вообще — парнишки крепкие. Такими уж родились. Повезло хлопцам. Как из стали отлитые. Но всё-таки он, Юла, ведь тоже целых два года тренируется.

И так добросовестно... Ни одного занятия не пропустил. А всё — баранки, баранки, баранки. Обидно...

Однажды Юла так и заявил Григорию Денисовичу. Где же, мол, справедливость?

В тот день вернулся Юла с тренировки злой и расстроенный. Ещё бы! Боролся с Васём-Карасём. Есть у них такой мальчонка в секции. Маленький, шустрый. И смешливый, весь в веснушках. Вообще-то он — Василий, а фамилия — Карасёв. Но зовут его все Вась-Карась. Чтобы не путать: в секции у них два Василия.

Ну вот, боролся Юла с Васём-Карасём, и надо же! Всего через две минуты и восемь се-

кунд тот швырнул Юлу на лопатки. И как обидно швырнул! Резко, красиво. А потом ещё легонько пошлёпал ладошкой по животу: лежи, мол, парень, и не рыпайся! Обидно, а? Вась-Карась — и по животу хлопает!

Рассказал Юла всё это Григорию Денисовичу и сумрачно добавил:

— Надоело. Баранки да баранки... Видно, неспособен я к борьбе. В другую секцию, что ли, податься? К лыжникам? Или пловцам?

Нет, честно говоря, не собирался он в другую секцию. Ни к лыжникам, ни к пловцам. Просто так, со злости, от великой досады брякнул.

Григорий Денисович поскрёб переносицу, недобро усмехнулся:

— Ну, парень, больно быстро ты всё забыл. Помнишь, как Заморышем дразнили? Хочешь — раз! — и в чемпионы мира?

Юла промолчал, только губы поджал. Вот это уж Григорий Денисович зря. Это уж — несправедливо. Разве он о чемпионстве мечтает? Вовсе нет. Но хоть разочек кого-нибудь из «мухачей» положить! Или и это слишком дерзкое желание?

— Ты про Новака слышал? — спросил Григорий Денисович.

Юла кивнул. Ещё бы! Кто же из мальчишек не слышал про этого силача? Новак! Штангист, который побил чуть не все мировые рекорды. И в жиме, и в рывке, и в толчке.

— А знаешь, что Новак, легендарный Новак, — продол-

жал Григорий Денисович, — когда-то был хилым мальчонкой? Таким слабым, что сверстники потешались над ним?

Нет, этого Юла не знал.

— Да, да, — сказал Григорий Денисович. — Девятилетний Гришка Новак был примерно таким, как ты. Миокардита у него, правда, не было. А так — очень похож. Но упор-

ства в этом слабом хлопчике таился целый вагон. И он тренировался! И как! Ежедневно. По многу часов.

Григорий Денисович встал, не глядя на Юлу, сказал:

— Ну, а ежели ты думаешь, что всё само с неба свалится... Тогда лучше бросай спорт.

Это опять же было несправедливо. И жестоко. Разве Юла не тренировался? Разве он ждал, когда само с неба?..

Никогда ещё Юла не видел Григория Денисовича таким.

Так и ушёл сердитый. А Юла остался во дворе расстроенный и понурый.

ВЕЧЕРОМ Юла пошёл Кванта выгуливать. А с ним — и Венька, и Женя.

С Женей Юла уже давно помирился. Но пока были в ссоре — месяца четыре, — Юла прямо места себе не находил.

И наконец решил: всё, хватит, надо это кончать.

В то утро он нарочно сократил зарядку, быстро поел и выскочил на улицу. Стоял у ворот и ждал. Он знал: без четверти девять Женя пойдёт в школу. Она всегда шла ровно без четверти.

Ждать надо было всего минут десять, но каждая минута ковыляла еле-еле, как дряхлая старуха.

И вот, наконец, Женя вышла из ворот. Она была в обычном своём жёлтом пальтишке с лисьим воротником и в маленькой, тоже отороченной лисьим мехом, шапочке.

Юла вдруг почувствовал: ноги у него приросли к панели. Раньше он только в книгах чи-

тал о таком. А теперь убедился: да, правда, приросли.

Женя мельком глянула на него и, не убыстряя шага, пошла мимо. «Ну! — сказал себе Юла. — Да ну же!»

А ноги стояли на месте. И губы было никак не разжать. Ну, никак! Но Юла сказал себе: «Эй! Ты же решил! Ну?»

И, отодрав ноги от асфальта, сделал два шага за Женей и крикнул:

— Женя! Пстой!

Впрочем, ему только показалось, что он крикнул. На самом деле он произнёс эти слова едва слышно.

Женя повернула голову.

— Женя! — Юла догнал её. — Женя... Я виноват... Я знаю... Не сердись! Женя!

Думаете, просто сказать такие слова?! Но Юла сказал.

Женя кивнула. Ничего не ответила, но кивнула. Это уже было кое-что.

— Женя! — сказал Юла, идя рядом с нею. — Можно, я провожу тебя?

Девчачья школа была недалеко, но в другую сторону от Юлькиной школы.

— Ты же тогда опоздаешь, — сказала Женя. И это были первые её слова, которые услышал Юла за четыре месяца.

— Ерунда! — в восторге крикнул Юла. — Ну и опоздаю! Подумаешь! Даже лучше! — Почему «даже лучше», он объяснить бы не смог. — Ты только скажи, Женя, ты больше не сердись? Да?

Женя улыбнулась.

Так они помирились. И с тех пор Юла решил: больше нико-

гда, ни за что не повздорю с Женей!

И вот сейчас идут они втроём. Юла хмурится. Всё разговор с Григорием Денисовичем переживает. А Венька вдруг говорит:

— Ну-ка...

Юла уже знает, что это за «ну-ка». Ухватил Веньку поудобней. Раз! — и вскинул себе на плечи.

— Да... — говорит Венька.

Вроде бы почти не вырос Юла, а когда вот так, рядом с Венькой, совсем они разные.

Юла широк в плечах и крепок и хоть выше Веньки всего сантиметров на пять, а кажется — на полголовы. Потому что Венька — хилый, щуплый. И сутулится к тому же.

А ведь были они совсем одинаковые. Оба — дистрофики.

— Иди к нам в секцию, — говорит Юла.

Но Венька лишь рукой машет. Хмурится. Поздно... Да и не сможет он. Нет уж, слабаком был, слабаком и останется.

Женя считает своим долгом сразу вступить за Веньку.

— Каждому своё, — говорит она. — Зато Веня скоро решит задачи Грюнфельда.

— Почему «зато»? — возражает Юла. — Можно и мускулы и задачи...

— На всё времени не хватит, — хмуро произносит Венька. — Жизнь-то одна. Как говорили древние: «искусство — длинно, а жизнь — коротка».

Несколько минут они идут молча. Потом Юла кричит:

— Квант, вперёд!

И бегом — по переулку.

Квант несётся за ним. Они летят до перекрёстка и обратно, к Жене и Веньке.

Так теперь повелось. Проголки с Квантом стали отчасти пробежками. Впрочем, Кванту это определённо нравится.

— А вообще, — говорит Женья, — это как-то несовременно. Сейчас, когда люди так стремятся к душевной тонкости и интеллектуальности, столько времени посвящать мускулам! Грубой физической силе.

Юла молчит. Об этом они с Женей спорили уже не раз. И не могут убедить друг друга.

«А что ж — в двадцать первом веке люди совсем без мускулов будут? — думает Юла. — Только огромная голова на хилых ножках и тоненькими ручонками? Чепуха! А главное: сильным быть приятно. И потом: силач — это почти всегда рыцарь. Да, благородный рыцарь. Вот, например, двое бандитов напали на женщину. Силач схватил их обоих, стукнул лбами так, что искры из глаз. И в милицию...»

Но об этом Юла молчит. Он нараспев говорит:

— «Здоровье — благо первое на свете...

Второе — быть красивого сложенья...»

— Что это? — удивляется Женья.

— Гимн древних греков! — важно поясняет Юла.

Он не говорит, что строчки из этого гимна то и дело цитирует тренер.

— Здоровье — благо первое на свете... — задумчиво бормочет Венька. — Что ж... Возможно...

Глава II

ДИАЛЕКТИКА

Бывают ли чудеса на свете?

В последнее время Юла стал думать, что, кажется, бывают.

Прошло всего с недельку после памятного разговора с Григорием Денисовичем, и Юла уложил на лопатки Гришку Краснова. И как уложил! Всего за две минуты шесть секунд!

А ещё через день Юла швырнул через себя Вася-Карася и тут же тушировал его. Опять чистая победа! И опять за две минуты с небольшим! Вот так-то! Не будет по животу пошлёпывать!

Потом начались внутришкольные состязания, и Юла, ко всеобщему удивлению, занял первое место в своём наилегчайшем! Первое место! Это он, у которого ещё недавно были сплошные «баранки»!

Значит, и впрямь бывают чудеса?!

Вдобавок Юла вдруг стал быстро прибавлять в весе. И всего через месяц перешёл из наилегчайшего в легчайший. Но что самое удивительное — и в этой весовой категории он стал одерживать победу за победой.

Всё это было так странно!

Андрей Рамзай постоял у ковра, когда Юла боролся, посмотрел, как он тушировал Вася-Карася и сказал:

— Везёт же некоторым...

Рамзай был в синем шерстяном трико. Густо-синем, с красной каймой и большим белым вензелем на груди. Это трико ему привёз отец из Лондона.

Отец у Рамзая инженер-турбостроитель. То и дело за границу ездит. Трико было красивое и ловко обтягивало мощную фигуру Рамзая.

— Под цвет глаз подобрал, — острили мальчишки.

И действительно, трико словно ещё больше проявляло синеву глаз Рамзая. Он стоял возле ковра красивый, уверенный в себе, иронично-небрежный.

— С победой! — сказал он и похлопал Юлу по спине.

Рядом с Рамзаем Юла казался маленьким и тщедуш-

ным, и непонятно было: как он всё же выиграл?

Ребята удивлялись, но сам Юла был потрясён, пожалуй, больше всех. Как это так? Вдруг...

На переменах в школе он теперь придумал новое развлечение. Посадит двух мальчишек себе на плечи и разгуливает вот так по залу. И хоть хны.

Однажды Юла рассказал обо всём этом Григорию Денисовичу.

— Чудеса, а? Как в сказке!

Григорий Денисович потрепал его по голове.

— Это не сказка! Это — диалектика. Слышал про такую штуку? Диалектика. Накопление незаметных количественных изменений дало вдруг новое качество. Понятно?

Юла кивнул. Да, про диалектику он слышал. Всё в жизни развивается диалектически. И количество скачком переходит в качество. Вот, например, нагреваем воду. Пятьдесят градусов, шестьдесят, семьдесят... Вода остаётся водой. Но вот — сто градусов. И вдруг — вода превращается в пар. Скачок. Диалектика.

Непонятно было другое. Почему Григорий Денисович в последние дни такой угрюмый? Вот и сейчас: говорит, объясняет, а сам будто совсем про другое думает. Что такое? Или беда какая стряслась?

Юла глядит на Григория Денисовича. Чисто выбрит, как всегда. И рубашка свежая, хорошо отглаженная, как всегда. Может, всё это просто показалось Юле?

ОДНАЖДЫ Юла днём вышел во двор.

Он теперь редко бывал тут днём. Утром — зарядка с Григорием Денисовичем. А потом — школа, уроки, тренировки, прогулки с Квантом. Времени — в обрез. Всё — вприкрык.

А тут так получилось: в классе — карантин. Целая неделя свободная. И Юла по старой памяти забрёл к сараям. Всё здесь было, как много лет назад. Ветхие дощатые строения, куча брёвен. Новым был только гараж: про-

долговатый железный ящик. Это тенор из сорок второй купил «Москвича».

Юла пришёл, и приятели сразу обступили его. Расспрашивали о спортшколе, о тренере. Просили показать «приёмчики».

Вскоре появился и Витька-Башня. Он ещё больше растолстел и теперь стал совсем громадным. Башня стоял чуточку поодаль с небрежно-скупающим лицом, словно он и не слушал разговоры ребят. Будто всё это ему вовсе неинтересно. Но он привык быть в центре компании. И долго стоять на отшибе — нет, это ему не по душе.

— «Приёмчики»! — усмехнулся он. — А мы вот простые, скобские. Мы и без приёмчиков!

Он вдруг схватил стоящего рядом Яшку-Букашку за нос и потянул на себя. Откинул его голову и вновь — на себя... Будто насос качал.

Кровь хлестнула Юле в виски. И вмиг, как вспышка, мелькнуло: вот так же когда-то ухватил его своими цепкими пальцами Башня. И так же мотал вверх-вниз.

— Пусти! — крикнул Юла.

Витька сделал вид, что это — не к нему. И продолжал качать насос.

— Пусти! — повторил Юла.

Нет, теперь он не кричал. Сказал спокойно, веско и шагнул к Башне.

— А! — приветливо воскликнул Башня. — Кай Юлий Цезарь! — Будто он только сейчас увидел Юлу. — Гутен таг.

Хау ду ю ду? Парле ву фран-се?

— Пусти! — повторил Юла.

— А не то?

— А не то? — Юла вплотную подошёл к Башне. — Хуже будет...

— Граждане! Переходите улицу только по зелёному сигналу светофора, — сказал Башня. — И лишь в специально обозначенных местах...

Юла взял его за руку, повыше кисти, крепко стиснул.

— Ах, как грубо! — произнёс Башня.

Он подумал-подумал и отпустил Яшку-Букашку. Нос у того был сизо-красный, как почти созревшая слива.

— Так, — сказал Юла. — А теперь извинись.

— Я? — переспросил Башня. — Перед кем? Перед Яшкой? Букашкой?

— Именно. Ты. Перед Яшкой.

Стоявшие вокруг мальчишки замерли. Это было неслыханно. Невероятно. Невозможно. Неужели Башня попросит прощения у маленького Яшки?

Лицо у Башни покраснело, потом стало медленно бледнеть.

— А не то? — сказал он.

— А не то? — Юла лишь на миг задумался. Потом вдруг усмехнулся. — А не то я выкрашу тебе голову суриком! Помнишь?.. Выкрашу, клянусь! Ну? Проси у Яшки прощения.

Башня молчал.

— Ну? — грозно сказал Юла. — Повторяй за мной. Я, Витька-Башня...

Башня молчал.

— Ну? Я, Витька-Башня, прошу извинить меня...

— Ладно, — сказал Башня. Он повернулся к Яшке и, кривляясь, произнёс: — Прошу, сеньор, извинить меня.

— И больше, — сказал Юла, — я никогда не буду обижать слабых.

— И впредь я никогда не трону букашек-таракашек, — повторил Башня.

Он повернулся к Юле:

— Ну, а ты, Цезарь, имей в виду: еще сочтёмся.

И Башня быстрым шагом ушёл со двора.

Глава III

СЕДЬМАЯ ОПЕРАЦИЯ

Григорий Денисович лёг в больницу. Опять оперировать ногу. Уже седьмой раз.

Только теперь Юла понял, почему Григорий Денисович все последние недели был такой сумрачный. Очевидно, размышлял: согласиться на операцию? Или нет? И вот — решился...

Седьмая операция! Юла пытался представить себе, что это такое. Страшно? Конечно! И, главное, — нет гарантии.

Об этом сказала Мария Степановна. Теперь Юла часто встречался с ней. Ведь все заботы о Кванте легли теперь на Юлу. И вот однажды, когда Юла стал расспрашивать о Григории Денисовиче, Мария Степановна сказала:

— Самое печальное: нет гарантии. Врачи честно предупреждают: операция может и не дать желаемого результата.

— А зачем же тогда... — в растерянности спросил Юла. — Может, лучше — не делать? Ведь нога у Григория Денисовича вроде бы ничего? Почти в порядке. Ходит. Даже бегают. Ну, и жил бы себе... Без всякой операции...

Мария Степановна вздохнула. Помолчала. Негромко сказала:

— Понимаешь, Юлий... Григорий Денисович, значит, не говорил тебе... Впрочем, он старается от всех эго скрыть. Упрямый... — Она задумалась, покачала головой. — Его часто терзают боли. Такие сильные — он почти теряет сознание. А операция избавит от болей.

«Но без гарантии», — подумал Юла.

Теперь он вдруг увидел то, чего раньше не замечал. Иногда во время зарядки Григорий Денисович внезапно останавливался, закусив губу. И по лбу у него рассыпались мелкие зёрнышки пота. А однажды он так побледнел — даже качнулся. Но тотчас оправился и, перехватив тревожный взгляд Юлы, пошутил: вот, мол, нехорошо, ещё подумают — выпил с утра пораньше.

Глава IV ЗАКРЫТАЯ ФОРМА

Галопом неслись недели.

Жизнь у Юлы шла теперь как-то странно. Непривычно.

Не было Григория Денисовича. Он всё ещё лежал в больнице. Оказывается, после операции не так-то быстро от-

пускают. Нога заживала, но медленно. И только через два-три месяца можно будет точно знать, дала что-нибудь операция или нет.

Вместе с Женей Юла пошёл выгуливать Кванта. Юла шагал хмурый, Женя молчала, искоса поглядывая на него.

Заговорили, кто куда пойдёт после школы. Они учились в девятом классе, пора было подумать об этом.

— Ну, ты, конечно, на биологический, в университет, — сказал Юла.

Он знал: Женя давно мечтает об этом факультете.

— А Венька — на физмат, — сказала Женя.

— Или в политехнический, — добавил Юла.

Да, у них всё было ясно.

— Ну, а ты? — тихо спросила Женя. — Решил?

Юла покачал головой. Мысли о будущем уже давно тревожили его. Самое скверное, что ему, если уж совсем честно, было всё равно. Можно идти в кораблестроительный, можно в железнодорожный. Можно и в медицинский. И в педагогический.

— А если никуда? — сказал он.

Женя посмотрела удивлённо.

Юла стал сбивчиво объяснять. Вообще-то ему нравятся телевизоры. В те годы они только-только появились в Ленинграде, громоздкие ящики с маленькими экранами. Но даже такие, неуклюжие, несовершенные, они сразу полюбились людям.

Может, ему пойти на завод Козицкого, где делают телеви-

зоры? И работа интересная, и заработок. Сколько же ещё матери одной такого лоботряса кормить?

А хороший сборщик телевизоров, говорят, побольше инженера зарабатывает. Да и какой из него инженер получится — ещё вилами по воде писано. А сборщик выйдет, это он чувствует.

Женя пожала плечами:

— Стоило ли тогда десятилетку кончать?

Они уже подходили к своему дому, когда навстречу попался Венька.

— А я вас жду, — сказал он.

Вид у него был какой-то странный. Маленькое лицо словно бы стало ещё меньше. И очки чаще, чем всегда, сползли на нос. Он поправлял их привычным движением руки, но они вскоре снова сползли.

— Понимаете, ребята, — растерянно сказал Венька, — я вам раньше не хотел... Ду-

мал, авось обойдётся. Но... — Он шмыгнул носом и опять поправил очки.

— Да не тяни! Что стряслось? — перебил Юла.

— Понимаете... — сказал Венька. — Я уезжаю. Я теперь буду жить в интернате. В Пушкине. Специальный интернат для лёгочников.

Женя и Юла украдкой переглянулись. Неужели с Венькой так плохо?

— И когда?.. Когда переселяешься? — спросила Женя.

— Завтра.

Они долго стояли молча. И Квант не бегал, не лаял. Тихо оглядывал Веньку мудрыми, добрыми глазами. Он тоже понимал: беда.

— А это... надолго? — спросил Юла.

Венька развёл руками.

— Пока не вылечусь. Может, год. Может, меньше. А может, и больше. Но вы не беспокойтесь, ребята, — вдруг зачастил он. — Я не заразный. У меня закрытая форма...

— За такие речи и по шее можешь схлопотать, — сердито перебил Юла.

— А учиться? — спросила Женя.

— Там своя школа, своя библиотека, — всё своё.

Они подошли к дому.

— Будёт денёк свободный — приезжайте, — на прощанье сказал Венька. — Ну, пока...

Он вдруг рванулся и скользнул в подъезд.

Женя и Юла ещё долго стояли молча. Всё это так неожиданно. И так грустно.

Вокруг было темно и тихо. Так тихо, как редко бывает на ленинградских улицах. И от этой тишины, и низкого чёрного неба, и мутных фонарей становилось ещё печальней.

— А насчёт Веньки — мы с тобой виноваты, — вдруг громко произнёс Юла.

— Я? — Женя сердито и изумлённо посмотрела на Юлу.

— Ты.

— Я его туберкулёзом заразила, да?

Юла ещё больше нахмурился.

— Ты всё пищала... Ах, у Веньки интеллект! Ах, Венечка — талант. А мускулы, фи, это грубо. Вот... Но не дуйся: я виноват побольше тебя.

(Окончание следует)

КЛИНОК и КНИГА

ЭТО БЫЛО осенью сорок первого года. Партизанский отряд, который состоял из студентов и выпускников Ленинградского горного института, уйдя от преследований карателей, расположился в густом лесу на короткий отдых. По данным партизанской разведки, в ближайших деревнях гитлеровцев не было. И вдруг во второй половине дня в каких-нибудь двух километрах от места привала загремели выстрелы. Высланные туда разведчики вскоре доложили, что кто-то ведет бой с группой фашистов, причём гитлеровцы теснят наших к болоту. По всей видимости, бой ведут тоже партизаны. Но какие, откуда — это оставалось неясным.

Командир отряда горняков доцент Ахат Шагеевич Усманов тут же принял решение отправить на помощь боевую группу: взаимовыручка — железный солдатский закон.

Через непродолжительное время бой закончился. Партизаны, высланные на помощь, вернулись и привели с собой группу подростков, хорошо вооружённых, но очень утомлённых. Подростки потребовали пропустить их к командиру.

— Один из мальчишек, — вспоминает А. Ш. Усманов, осмотрел меня с головы до ног, словно не слишком-то доверяя, и спросил грубовато: — Ты кто?

— Командир партизанского отряда, который пришел вам на выручку. А вы кто такие и откуда?

— Я — Чапай, — парнишка сделал шаг вперед. — Командир отряда, которому вы пришли на помощь. — И он протянул Усманову руку.

— Ну, здравствуй, Чапай, — невольно улыбнулся Ахат Шагеевич. — Сколько же тебе лет?

— Пятнадцать. А это, — он показал на стоящего рядом с ним мальчишку, — Фурман. Комиссар. Ему четырнадцать...

Конечно, кто же ещё мог быть рядом с легендарным Чапаем, как не Фурманов?

— Что вы тут делаете в лесах, ребята?

— Сами видите, воюем. И потом, мы не ребята, а бойцы. Партизаны.

Оказывается, их — учащихся одного из ленинградских ремесленных училищ — послали на оборонные работы. Там через несколько дней в

числе других они оказались отрезанными от города, так как гитлеровцы высадили воздушный десант. Люди начали пробираться лесами и болотами к Ленинграду, а мальчишки-ремесленники рассудили иначе: они решили организовать свой партизанский отряд. Командиром избрали Мишу Зеленкова, который взял себе кличку Чапай, комиссаром — Саню (к сожалению, его фамилию А. Ш. Усманов забыл). Так при Чапае появился Фурман.

Добыли первые винтовки и патроны, стали нападать на отдельных гитлеровцев, обозников, связистов. Прошло несколько дней — и все ребята были вооружены.

Действовали мальчишки смело, на верняка, с умом, вплоть до того дня, когда они приняли явно ошибочное решение напасть на кадровую роту гитлеровцев, двигавшуюся по шоссе...

Я вспомнил об этом эпизоде не случайно. Ведь на образе выдающегося полководца молодой Красной Армии Василия Ивановича Чапаева воспитывалось целое поколение советской молодёжи — то поколение, которому пришлось прямо со школьной скамьи отправиться в бой с фашистскими захватчиками.

Но от образа легендарного Чапая неотделим другой образ — комиссара Дмитрия Фурманова, посланца партии, человека исключительной храбрости и большевистской твердости. Фурманова знали, однако, не только как боевого комиссара, героя гражданской войны, но и как талантливого писателя, автора книги «Чапаев», по мотивам которой был затем поставлен знаменитый фильм братьев Васильевых.

Когда над нашей Родиной нависла смертельная опасность, подростки и юноши плечом к плечу со своими отцами и старшими братьями первыми отправлялись на фронт, уходили в тыл врага, в отряды народных мстителей, становились Чапаями и Фурманами.

ДМИТРИЙ Андреевич Фурманов мог бы находиться ещё среди нас. В нынешнем месяце ему исполнилось бы 80 лет. Жизнь его была до

обидного короткой, но истинно красивой, яркой, целиком отданной делу революции. В памяти людей он остался вечно молодым.

Дмитрий Андреевич происходил из простой многодетной семьи. Детство его протекало в большом торговом-фабричном селе Серeda Костромской губернии (ныне — город Фурманов), а отрочество и юность — в рабочем Иваново-Вознесенске и тихой Кинешме, на Волге. Потом — учёба в Московском университете. Но грянула первая мировая война. Не успев сдать государственные экзамены, Фурманов стал братом милосердия в санитарном поезде, исколесил в нём огромные просторы страны — от Урала до Кавказа и Западной Двины.

В 1916 году Дмитрий Андреевич вновь приехал в Иваново-Вознесенск и стал преподавать на рабочих курсах. Там его застала Февральская революция, свергнувшая царя и установившая в России буржуазно-демократическую республику. Фурманов начал работать в Совете рабочих и солдатских депутатов, был избран товарищем (заместителем) председателя исполкома. Работа эта целиком поглощала его, и он отдавал ей все свои силы. Ему выпала честь первому в Иваново-Вознесенске узнать о свержении Временного правительства и объявить об этом на заседании Совета...

Деятельный, энергичный, Дмитрий Андреевич всего себя отдавал захватившей его революционной работе, с большой радостью и подъёмом выполнял любое поручение Совета, хорошо понимая, что всё теперь делается в интересах людей труда.

Несмотря на предельную занятость, Фурманов умудрялся выкраивать время и на литературную работу, и на то, чтобы делать очередные записи в своём дневнике, который он систематически вёл с 1910 года вплоть до своей смерти. С каждым днём крепили его творческие силы. Стихи, рассказы, статьи для газет были посвящены одной теме — теме борьбы народа за освобождение.

В июле 1918 года, в тяжёлые для молодой Советской республики дни,

когда её многочисленные враги угрожали задушить революцию, Дмитрий Андреевич вступил в ряды партии, стал коммунистом. Рекомендацию ему дал Михаил Васильевич Фрунзе. А три месяца спустя Фурманов был избран секретарём губкома партии.

«Эта на первый взгляд странная быстрота в деле назначения меня секретарём губкома партии, — писал в автобиографии Дмитрий Андреевич, — объясняется тем обстоятельством, что... я уже с конца 17-го года проводил на практике определённо большевистскую линию. Это знали и учитывали руководящие тогда большевики (Фрунзе и др.)».

Фурманов был неутомим. Он, как и Фрунзе, стал любимцем иваново-вознесенских рабочих, непререкаемым для них партийным авторитетом.

ПОЗДНО вечером 9 января 1919 года Фурманов, придя из губкома, тяжело опустился на стул и глубоко задумался...

Трудное время. По стране полыхает пламя гражданской войны. Молодая Красная Армия героически сражается с полчищами белогвардейцев и иностранных интервентов. Борьба идёт не на жизнь, а на смерть. Кто кого? — Вопрос стоит только так. Третьего не дано. Из Сибири ведут наступление войска адмирала Колчака. Восточный фронт стал самым главным. Там решается судьба Республики Советов.

Недавно состоявшееся собрание иваново-вознесенских коммунистов прошло под лозунгом: «Всё для фронта! Все на Колчака!» «Председатель губкома М. В. Фрунзе назначен командующим 4-й армией Восточного фронта». «Записывайтесь в отряд товарища Фрунзе!» — такие воззвания расклеены по всему городу. Только за один день в отряд вступило 300 рабочих-текстильщиков...

«Мое место сейчас — тоже на фронте. Там и только там!» — решает Фурманов. Но губком не отпускает его: Дмитрия Андреевича не так-то просто сразу заменить. Он бросается к Фрунзе, убеждает его — долго,

страстно, горячо. И, кажется, не безуспешно...

Фурманов подошёл к столу, достал дневник, раскрыл его, аккуратно вывел дату, снова ненадолго задумался. Потом рука побежала по бумаге легко и быстро, уже без остановок.

«Я уезжаю на фронт, — записывал Дмитрий Андреевич. — Мы едем туда, на большое, ответственное, опасное дело... Партийный комитет скрепя сердце отпустил и благословил...

Оставляю дорогое Иваново. Сколько тут было положено труда, сколько тут было пережито радостей и страданий! Здесь впервые получил я политическое крещение, здесь понял правду жизни, осветил ею свою юную душу и загорелся...

Вот уже скоро два года, как горю, горю, не угасая...

Прощай же, мой чёрный город, город труда и суровой борьбы! Не ударим мы в грязь лицом, не опозорим и на фронте твоё славное имя, твоё геройское прошлое. Мы оправдаем название борцов за рабочее дело... Прощай же, прошлое, — боевое, красивое прошлое! Здравствуй, грядущее, здравствуй, новое, неизданное — ещё более славное, ещё более прекрасное!..»

И Дмитрий Андреевич не ошибся: грядущее его и тех, с кем шёл он рядом, плечом к плечу, было ещё более славным, ещё более прекрасным. Оно вело его не только к славе, но и к бессмертию.

ЗДЕСЬ по всему округу можно слышать про Чапаева и про его славный отряд. Его просто зовут Чапаем. Это слово наводит ужас на белую гвардию... — записал Фурманов в дневнике 26 февраля 1919 года, вскоре после прибытия на Восточный фронт.

А на следующий день была получена телеграмма от Фрунзе о назначении Фурманова комиссаром — к Чапаеву!..

Первая встреча командира с комиссаром состоялась 9 марта. Её, однако, нельзя было назвать тёплой. Скорее даже наоборот: Чапаев отнёсся к Фурманову с недоверием и холод-

ком, — мол, много ли ты стоишь, комиссар? Но Дмитрия Андреевича это не обескуражило. Он уже многое слышал о своеобразном характере Чапаева, и в его сознании сложился целый план, как строить свои отношения с начдивом, чтобы «полонить» его духовно, а значит, и завоевать его полное доверие, заставить его уважать себя.

В том плане, который комиссар последовательно и настойчиво претворял в жизнь, можно видеть высокую политическую зрелость Фурманова-большевика. Он умел быстро взвесить и оценить обстановку, проникнуть в глубины человеческого сердца и определить свое поведение.

Вот некоторые пункты этого плана: избегать вначале разговоров чисто военных, чтобы не показаться профаном, повести с Чапаевым политические беседы, в которых комиссар будет, безусловно, сильнее, больше говорить о науке, образовании, общем развитии — и тут Чапаев будет больше слушать. Потом — зарекомендовать себя храбрым воином, и как можно скорее: без этого всё в глазах Чапаева, да и красноармейцев, полетит прахом. Никакая тут политика, наука, личные качества не помогут...

Оказия, при которой комиссару можно было бы проявить свою храбрость, не заставила себя долго ждать. Два дня спустя разгорелся ожесточённый бой за станицу Сломихинскую. Первый в жизни Фурманова, но далеко не последний...

Тяжёлые бои, в которых участвовала как главная ударная сила 25-я, чапаевская дивизия, развернулись в районе Бузулука под Бугурусланом

и Белебеем. Одно из самых кровопролитных сражений произошло на реке Кинель. В этом бою Ивановский полк, составлявший пролетарское ядро дивизии, дважды бросался в атаку и дважды, подойдя к берегу, откатывался назад под шквальным огнём противника.

Тогда во главе одного из батальонов встал сам комиссар — Дмитрий Фурманов и повёл бойцов в третью атаку... И вот ивановцы ворвались в окопы врага... Бой был выигран ими.

«Пилюгинский бой», «Уфимский бой», «Освобождённый Уральск» — так назывались корреспонденции, которые Фурманов регулярно слал с фронта в ивановскую газету «Рабочий край». Уже по заголовкам можно судить о главных этапах боевого пути их автора.

Вся деятельность Фурманова как политического комиссара была направлена на то, чтобы повысить боеготовность чапаевцев путём их идейного вооружения, воспитать в них сознательное отношение к патристическому долгу.

«Фурманов быстро стал авторитетом не только в вопросах политработы, — свидетельствует один из ветеранов дивизии Герой Советского Союза генерал-полковник артиллерии Н. М. Хлебников, — но и в военных вопросах, участвуя в непрерывных боях и сражаясь вместе с бойцами...»

Дмитрий Андреевич стал уважаемым человеком в дивизии, любимцем Чапаева и чапаевцев.

«Как тень, я всё время следую за Чапаевым, — записывает он в днев-

нике. — Все дела приходится решать сообща. Ни одного вопроса он без меня не обсуждает, во всём советует, обо всём спрашивает. У нас установились самые лучшие, самые доверчивые отношения...»

Стремительное наступление чапаевской дивизии не давало опомниться врагу. Колчаковцы несли огромные потери и вынуждены были сдавать одну позицию за другой.

Вскоре после освобождения от вражеской блокады города Уральска, когда дивизия продолжала наступление на Лбищенск—Сахарную, Фурманов получил новое ответственное назначение. Чапаеву очень не хотелось с ним расставаться, и он послал телеграмму с просьбой не отзывать Дмитрия Андреевича. Однако Реввоенсовет не стал отменять своего приказа.

Минуты прощания с Чапaeвым были тяжёлыми, хотя ни тот ни другой ещё не знали, что прощаются навсегда.

— Прощай, Митяй, — сказал Василий Иванович (первый раз он назвал его так), — во многих боях мы с тобой были, много горя мы вместе видели. Полюбил я тебя крепко, и жаль расставаться. Спасибо тебе за всё. Многому ты меня научил.

Это была лучшая награда комиссару!

Они расцеловались. На глазах у Чапаева (у Чапаева!) выступили слёзы.

Фурманов уехал... А 7 сентября до него дошла весть о гибели в Лбищенске легендарного наидива и его штаба, вырубленного казаками.

«Я был потрясён этим изве-

стием... — такой записью начал Фурманов новую тетрадь своего дневника. — Думаю разом обо всех, за всех жутко и больно, всех жалко, но из всех выступает одна фигура, самая дорогая, самая близкая — Чапаев... Истинный герой, чистый, благородный человек. Ну давно ли оставил я тебя, Чапаев? Верить не хочется, что тебя больше нет...»

Фурманов делает в дневнике всё новые и новые записи о Чапаеве, и образ героя встаёт в его воображении в полный свой рост. Дмитрий Андреевич, начальник Политуправления Туркестанского фронта, пишет в ивановскую газету статью «Как погибли товарищи Чапаев и Батурин» (П. Батурин стал после Фурманова комиссаром дивизии) и страстную листовку, адресованную ко всем красноармейцам. В ней он подробно рассказывает о боевом пути Василия Ивановича, завершая её такими взволнованными, идущими из глубины сердца словами:

«Нет больше замечательного командира, нет больше легендарного героя, который водил свои полки и никогда не знал отступления. Красная Армия никогда не забудет твоих подвигов, дорогой Чапай. Ты блестящей звездой войдёшь в историю гражданской войны».

Не думал тогда ещё он, комиссар Фурманов, что пройдёт три с небольшим года — и в свет выйдет книга «Чапаев», которой суждено будет стать одним из выдающихся произведений советской литературы.

Но нет сомнения в том, что началась эта знаменитая книга со скромных дневниковых записей, де-

лавшихся впопыхах, по свежим следам событий, что замысел её вызревал подспудно уже в те дни, когда Фурманов был весь под впечатлением лбищенской трагедии.

ДМИТРИЮ Андреевичу довелось побывать ещё во многих опасных переделках. Смерть не раз бродила рядом с ним, и во время мятежа в городе Верном, спровоцированного контрреволюционерами, и во время глубокого рейда по тылам врага в составе красного десанта, разгромившего белогвардейскую банду генерала Улагая. За эту блестяще проведённую операцию Фурманов был награжден орденом Красного Знамени.

Впрочем, об этом и многом, многом другом лучше всего расскажет он сам. Расскажет после того, как отгремят последние бои гражданской войны, а комиссар Фурманов демобилизуется и станет писателем Дмитрием Фурмановым. Писателем пролетарским, писателем советским, который увидит смысл своей творческой и общественной деятельности в том, чтобы помогать Коммунистической партии растить и укреплять молодую литературу первой в мире страны социализма, бороться за её высокую идейность.

Железный комиссар успеет написать, в сущности, всего четыре книги — «Чапаев», «Мятеж», «Красный десант» и «В восемнадцатом году», хотя материала у него было накоплено на десять, а то и на двадцать книг. Смерть, со страхом обходившая мужественного большевика на полях сражений, коварно и неожиданно

подкрадётся к нему в обличье менингита, чтобы вырвать его из жизни совсем молодым, в самом расцвете сил и таланта, в возрасте всего 34 лет...

Скромное надгробие писателя на Ново-Девичьем кладбище в Москве украшено изображением боевого клинка и книги. Бесхитростная, но точная символика.

Комиссар и писатель, Фурманов оставил яркий след в жизни, прочно войдя и в героическую историю гражданской войны, и в историю советской литературы. Навсегда вошёл он и в сердца советских людей, по праву заслужив их любовь и признательность.

Имя Дмитрия Фурманова носят город в Ивановской области и станция Старая Сломихинская, улицы во многих городах страны (в том числе в Ленинграде) и пионерские дружины. О его славных делах напоминают памятники и мемориальные доски.

О такой всенародной любви можно только мечтать.

...**К**ОГДА из печати вышла книга «Чапаев», Фурманов подарил её одной из своих сослуживиц по Государственному издательству с такой выразительной надписью: «Главное: зоркость — орла. Сердце — льва. Воля — человека».

Красивые слова?.. Нет, девиз Дмитрия Андреевича! И завет нам — живущим. Тем, кто строит коммунизм. И тем, кто придёт нам на смену завтра, приняв эстафету из рук отцов.

Вл. САШОНКО

Голос, знакомый в с е м

ГИТЛЕР ненавидел советских людей. Но к одному из них он проявлял особую ненависть.

— Когда мы войдём в Москву,— говорил бесноватый фюрер,—я прикажу повесить его в первую очередь. Заплачу двести тысяч немецких марок тому, кто принесёт мне его голову, и столько же денег тому, кто приведёт его в Берлин! Я поставлю его объявить по радио о покорении России!

Что же было так ненавистно Гитлеру в этом человеке?

Голос! Спокойный, уверенный, невозмутимый, искрящийся потоком интонаций, выражающих все оттенки человеческих чувств. Каждому советскому человеку хорошо был знаком этот голос: ежедневно

по московскому радио он сообщал о сражениях на фронтах Великой Отечественной войны.

Он звучал и до войны. Этот голос первым рассказал нам о пуске Днепрогэса, о вступлении в строй первой домны Магнитки, о трудовых рекордах Алексея Стаханова, о спасении пассажиров «Челюскина», раздавленного арктическими льдами, о перелёте через Северный полюс лётчика В. П. Чкалова.

Это голос диктора Всесоюзного радио Юрия Борисовича Левитана.

Я СПЕЦИАЛЬНО поехала в Москву, чтобы познакомиться с человеком, чей голос безошибочно узнают миллионы людей и называют голосом Москвы. И первый вопрос, который я ему задала, был таков:

— Расскажите, пожалуйста, как вы стали Юрием Левитаном?

Юрий Борисович улыбнулся:

— Мне было 17 лет, когда я окончил десятилетку и приехал в Москву с надеждой стать киноартистом. Но как только обратился в приёмную комиссию, опытные специалисты меня разочаровали: «Лет тебе маловато и наружность не та...»

В столице у меня не было ни родственников, ни знакомых. Возвращаться в родной город несостоявшемуся киноартисту не хотелось. Я решил поступить всё равно на какую работу. Случайно на улице увидел афишу: радиокомитет объявляет конкурс дикторов. Что такое диктор, я тогда представлял смутно. В начале тридцатых годов радиоприёмник встречался реже, чем сегодня цветной телевизор.

На конкурсе меня забраковали из-за... плохой дикции. Решение было справедливым. Родом я из города Владимира и, как все владимирские, «окал». Какой тут диктор, когда буква «о» не подчиняется!

Жить мне было негде, идти некуда. В радиокомитете к юному неудачнику отнеслись сочувственно, зачислили дежурным по радиостудиям и поселили в уголке служебной комнаты. Я стал свидетелем

рождения радиопередач и их «отлёта» в эфир. Вот тут-то меня и охватило неодолимое желание выступить перед микрофоном. Стал тренировать произношение, целыми днями покорял трудные слова, как цветочница из спектакля «Пигмалион», которая упражнялась в таких сложных сочетаниях слов, как «Карл купил для Клары кораллы».

Технике речи мне посчастливилось учиться у выдающихся мастеров сцены В. И. Качалова и Н. Н. Литовцевой. Благодаря им я избежал от недостатков произношения и на следующем конкурсе был зачислен диктором Всесоюзного радио.

— И сразу освоились у микрофона?

— Мой первый выход в большой эфир устроил в студии переполох. Я подошёл к микрофону: «Всем, всем, всем. Говорит Москва! Начинаем передачу!..»

Вижу вокруг себя смятение. Оказывается, подобное торжественное вступление допустимо только при сообщениях чрезвычайной важности, а мне, как новичку, доверили вести передачу для домашних хозяек. Сперва хотели уволить за излишнее усердие, потом пощадили.

Спустя некоторое время потребовалось передать в эфир отчётный доклад ЦК ВКП(б) на семнадцатом партсъезде. Конечно, в радиокомитете были дикторы более опытные, чем я, но на сей раз требовался молодой, выносливый голос — чтение доклада продолжалось пять часов. И мне, двадцатилетнему диктору, поручили ответственное задание. Всё прошло благополучно. После этого я стал выступать чаще.

— Днём двадцать второго июня сорок первого года вы передавали по радио о начале Великой Отечественной войны. А для вас лично, с чего началась война? Вы, наверно, узнали о ней раньше радиослушателей?

— Телефонный звонок из радиокомитета разбудил меня около шести часов утра. Тревожный голос в трубке: «Немедленно приезжайте!» Приехал. Несмотря на ранний час,

сотрудники радиокомитета были на своих местах. Вокруг суровые лица, женские слёзы. Не унимались звонки междугородных телефонов. Наши корреспонденты сообщали: «Бомбят Киев!», «Горит Каунас!».

Всё утро в эфир передавалась только музыка. Ожидались дополнительные разъяснения. Наконец из Кремля предупредили: «Готовьтесь, правительственное сообщение пойдёт в эфир в полдень».

На всю жизнь запали в память слова: «Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня, в четыре часа утра, без объявления войны германские войска напали на нашу страну...» Я повторял их в микрофон несколько раз в течение дня.

— Юрий Борисович, в дни войны солдаты самоотверженно сражались за Родину. Находясь в изолированной студии, диктор Всесоюзного радио сообщал всем о результатах их боев. Что же больше всего необходимо было самому диктору?

— Мужество, выдержка, самообладание...

Однажды на наше здание немцы метнули бомбу весом в пятьсот килограммов. К счастью, она упала во двор и не разорвалась. Пролетая над нами, бомба порвала электрические провода, и в студии, откуда шла передача, погас свет. Я не отошёл от микрофона, нащупал в кармане фонарик и вода его слабым лучиком по тексту, дочитал сообщение до конца.

— Вспомните, пожалуйста, самые трудные для вас минуты у микрофона.

— Летом сорок третьего года фашисты стянули на Центральный фронт самую мощную технику. Готовилось наступление, способное решить исход войны. Каждый вечер в назначенный час московское радио передавало сводку о положении на этом фронте. Вся страна ждала её с нетерпением. Однажды сводку не передали. Радиослушатели беспокоились, высказывали разные предположения об исходе тяжёлых боёв. Наконец позвонили из Ставки: «Сегодня сводка отменяется, объявите радиослушателям, что

в такой-то час будет передано весьма важное сообщение».

Наступает назначенный час — сводки нет.

Прежде чем прочесть текст по радио, диктор над ним работает, обдумывает, как донести до слушателей главную мысль, как расставить акценты, какими обогатить интонациями. Тем более, когда передаётся сообщение, ожидаемое всей страной!.. В ту минуту, когда должна была начаться передача, вбегает представитель Ставки и вручает мне особо важный пакет. На ходу вскрываю пакет и мчусь к микрофону. Над текстом написано: «Приказ Верховного Главнокомандующего». Познакомиться с приказом — не осталось ни одной секунды. О чём предстоит сейчас мне поведать миллионам слушателей? Что в долгожданном сообщении с Центрального фронта? Победа или?.. Как настроить голос?

С замиранием сердца начинаю: «Говорит Москва...» Перевожу дыхание, заглядываю в середину текста. Вижу одно только слово: «победа». С огромным трудом сдерживаю нахлынувшую радость и продолжаю: «Наши войска овладели Орлом и Белгородом...»

— В чём же искусство диктора?

— В умении, подойдя к микрофону, забыть обо всём, кроме слушателей, сквозь маленькую металлическую коробочку увидеть их живые лица, полные внимания глаза. Диктор советского радио — это агитатор, пропагандист. Он несёт собственное отношение к событию, о котором информирует слушателей.

Работа диктора творческая. В который раз читаешь по радио текст и не перестаёшь искать способы более точного выражения мысли. В ноябре сравняется сорок лет, как я стою перед микрофоном Всесоюзного радио, но каждое выступление для меня — премьера.

С годами накапливается опыт. Во время многих зарубежных поездок коллеги по радиовещанию спрашивают нас: «Как советская дикторская школа достигает такой выразительности? Даже не зная языка, мы многое понимаем по интонациям!»

— Чем радуется вас профессия диктора?

— Все новости о замыслах и свершениях наших грандиозных планов диктор узнаёт первым и делится с бесчисленными слушателями. Как только телетайп отлучит интересное сообщение, нестерпимо хочется сделать его достоянием других. Иногда даже в стенах Дома радио. Помню, мне принесли к очередной передаче листок с сообщением: «Сегодня космический корабль, пилотируемый женщиной...» Выбегаю в коридор, кричу: «Товарищи, в космосе женщина!» Из всех редакционных кабинетов устремляются ко мне сотрудники, атакуют вопросами: «Кто она? Откуда? Дети есть?» Отвечаю: «Терешкова, Валентина, текстильщица из Ярославля. Пока больше сведений нет...»

НЕ СУЖДЕНО было Гитлеру свершить расправу над советским диктором. История распорядилась иначе: Юрий Левитан сообщил из Москвы по радио всему миру о капитуляции фашистской Германии.

Легендарный бархатный голос заслуженного артиста РСФСР Юрия Левитана звучит в эфире и сегодня. Он читает последние известия, обзоры печати, знакомит с важнейшими партийными и государственными сообщениями, рассказывает о замечательных делах, которыми богата наша жизнь.

— Хотите послушать? Включите радио и «голос Москвы» войдёт в ваш дом!

Амалия КИРИЧЕНКО

ЭТО ПРОИЗОШЛО совсем недавно, немногим более трёх месяцев назад. 28 августа радисты сотен судов, пересекавших в разных направлениях Средиземное море, услышали тревожный сигнал корабля-парома «Елена».

— SOS! SOS! Три точки, три тире, три точки! Три точки, три тире, три точки! — непрерывно раздавался в наушниках писк радиостанции «Елены». Одновременно передавались координаты места, где в это время находился гигантский морской паром, плававший под греческим флагом.

Приняв SOS — сигнал бедствия, радисты тут же по внутренним телефонам сообщили об этом на капитанские мостики. Корабли сразу же изменили курс, свернули со своей дороги и пошли к месту, где находился паром.

Что же произошло на «Елене»? Вот первое краткое сообщение, переданное французским радио:

«В результате пожара, вспыхнувшего вчера на греческом пассажирском морском парома «Елена», погибли тридцать пять человек и сто одиннадцать получили ожоги, переломы и другие ранения. Судно затонуло после взрыва неисправного газового баллона в сорока километрах севернее итальянского порта Бриндизи.

Паника, охватившая пассажиров, помешала спуску на воду специальных шлюпок. «Многие из нас просто прыгали в воду, прихватив всё, что могло держаться на воде», — рассказывал впоследствии один из пассажиров».

На помощь гибнущей «Елене» пришло более четырёхсот судов различных классов, да ещё прилетели вертолёты. На волнах было подобрано 1089 человек. И всё это произошло благодаря раздавшемуся в эфире сигналу «SOS».

А теперь представим себе, что «Елена» совершала свой рейс три четверти века назад.

Ещё совсем недавно потерпевшее бедствие судно лишь при случайной случайной встрече с другим кораблём могло получить помощь или, в крайнем случае, спасти людей. Сколько раз бывало — корабль гибнет, а призвать на помощь никого не может. Где-то совсем недалеко, за кромкой горизонта, плывёт какой-нибудь морской собрат, но он не видит погибающего товарища! Стреляют из сигнальной пушки, пускают ракеты. Но если ревет буря — никто не услышит, если нависла густая пелена тумана — никто не увидит. И корабль погибает.

Корабль покидал порт, и связь с берегом прерывалась на долгое время, порой на несколько месяцев, а в старину и на годы. Так было до того памятного в истории человечества события, когда знаменитый русский изобретатель Александр Степанович Попов подарил людям радио.

И по сей день на территории Ленинградского государственного университета стоит небольшое здание, где три четверти века назад на-

ходила физическая лаборатория. Здесь Попов осуществил передачу первой телеграммы без помощи проводов. Это было великим чудом. Помощник Попова, его постоянный сотрудник П. Н. Рыбкин, находясь в другом помещении, передавал в эфир радиосигналы по азбуке Морзе. А в физической лаборатории многие выдающиеся учёные того времени слышали эти сигналы. Их расшифровывали. Букву за буквой записывали на чёрной доске. И через несколько минут из принятых букв образовались два слова: «Генрих Герц».

Это было имя учёного, который одним из первых занимался радиоволнами. Так началась эра радио. Вначале немногие понимали значение этого открытия. Но потом всё более и более проникались сознанием исключительной его важности. Первыми его по-настоящему оценили моряки. Они поняли, что именно радио позволит им постоянно держать связь с берегом, с родным портом, с другими кораблями.

Вскоре произошёл случай, который показал всему миру, как именно радио может выручить моряков, попавших в беду. Произошло это ненастной осенью 1899 года.

В Балтийском море русский броненосец «Генерал-адмирал Апраксин» наскочил на каменную гряду у острова Гогланд. Снять тяжёлый военный корабль с камней было не так просто. Стало очевидным, что спасательные работы затянутся на несколько месяцев. Для скорейшего выполнения задачи установили радиосвязь. На острове Гогланд находился Рыбкин, а в финском порту Котка, на расстоянии 40 километров от корабля — Попов.

Наступила зима. Подступы к острову затянуло льдом. На помощь спасателям прибыл недавно построенный ледокол «Ермак». И в это время в Котке узнали, что недалеко от Гогланда произошло ещё одно несчастье. Неожиданно разгулявшийся штормовой ветер разогнал волну, которая взломала льды. На одной из льдин унесло в открытое море пятьдесят рыбаков.

На Гогланде же об этом не знали. Рыбкин вспоминал:

«У меня были часы дежурства на маленькой рации, установленной на Гогланде. В определенное время связывался с Коткой, и начинался обмен телеграммами. Передавал донесения о ходе спасательных работ, получал приказы с берега... И вдруг радиограмма, но совсем другого характера. Котка передавала, что оторвало льдину, а на ней пятьдесят человек. Им грозит гибель. Сообщалось и примерное место, откуда оторвало. Начальство через Котку приказывало стоявшему на якоре у Гогланда ледоколу «Ермак» немедленно выйти на спасение рыбаков.

Немедленно мы дали знать о случившемся командиру ледокола. «Ермак» был под парами и тотчас же вышел в море... Ну, а что было дальше, вы знаете...»

А дальше было вот что: «Ермак», направившись к одному из соседних островов — Лавансаари, вскоре обнаружил льдину с людьми, которые уже потеряли надежду на спасение. Ледоколу ничего не стоило приблизиться к терпевшим бедствие. Вскоре все пятьдесят уже отогревались чаем в кубриках «Ермака». Это был первый случай, когда с помощью радио удалось спасти обречённых на гибель людей.

Случай этот ещё раз подчеркнул значение радио. Особенно горячо отнёсся к этому знаменитый адмирал Макаров. Он радовался вдвойне: во-первых, это он добивался установки радиоаппаратуры на кораблях Балтийского флота, во-вторых, «Ермак», спасший рыбаков, был детищем Макарова и построен по его проекту.

С тех пор на флотах многих государств стало расти количество радиостанций. В первое время корабельные рации пристраивали в самых различных местах. Но вскоре для них начали сооружать специальные помещения — так называемые радиорубки.

Начали возникать заводы и фабрики, изготавливающие радиоаппаратуру. И как всегда, как это бывает в странах капитализма, между хозяевами радиоприёмников разгорелась жестокая борьба, конкуренция. Каждый из них хотел как можно больше получить прибыли от нового изобретения.

В то время были известны три фирмы, выпускавшие радиоприёмники и радиопередатчики: итальянская «Компания Маркони» и немецкие «Телефункен» и «Сляби-Арно». Британский и итальянский флоты получали аппаратуру от Маркони, немецкие фирмы снабжали флоты Германии и ряда других государств.

И вот к чему привела борьба между капиталистическими хищниками. В море плавали корабли, оснащённые как немецкими, так и итальянскими рациями. Но «Компания Маркони», чтобы заставить другие страны покупать её аппаратуру, запрещала радистам поддерживать связь с кораблями, где были установлены не её передатчики и приёмники. Вот и случалось, что суда, снабжённые немецкими аппаратами, попадали в жестокий ураган, терпели бедствие, посылали в эфир тревожные сигналы с просьбой о немедленной помощи, а плывшие невдалеке корабли с рацией «Компании Маркони» не отзывались. Радист, помня о запрете вступать в связь, молчал.

К тому же в первые годы появления радио на кораблях не было определённого сигнала бедствия, который был бы известен радистам всего мира. Каждый зывал о помощи, как мог. В эфире была полная неразбериха. Тысячи раций наполняли эфир писком. В этой какофонии поймать призыв о помощи было не так-то легко. Это могло произойти лишь при счастливой случайности.

Вскоре мореходы всей планеты, флотоводцы, капитаны поняли, что так больше продолжаться не может. Надо было как-то договориться между собой, чтобы навести порядок в эфире. В 1903 году в Берлин прибыли делегаты восьми государств на 1-ю международную телеграфную конференцию. Были тут и представители фирм, производящих радиоаппаратуру.

После долгих разговоров делегаты конференции решили, что все радиостанции на кораблях и на берегу обязаны принимать радиogramмы независимо от того, какой аппаратурой они пользуются. С 1903 года это стало незыблемым правилом. И оно так строго соблюдается, что иногда приводит к смешным случаям.

В 1937 году я участвовал в экспедиции, которая должна была снять с льдины четвёрку героев-папанинцев. 19 февраля 1937 года два

корабля — «Таймыр» и «Мурман» — подошли к знаменитой льдине. В маленьком специальном домике находилась радиостанция папанинцев «УПОЛ». Радистом был знаменитый полярник Эрнест Теодорович Кренкель. Покуда перебрасывали имущество четырёх зимовщиков на корабли, я вместе с папанинцем Петром Шишовым написал коротенькую заметку под заголовком: «Последний час на Северном полюсе». Шишов отдал заметку Кренкелю и попросил передать её на Большую землю, в редакцию «Ленинградской правды», чьим корреспондентом я был.

Это была предпоследняя радиограмма, которую передал Кренкель. Её приняли и записали радисты десятков кораблей, плававших в тот день в Баренцевом и Северном морях. Приняв, они в свою очередь, начали передавать её на ближайшую береговую радиостанцию. А та связывалась с Ленинградом и передавала нашу заметку. И вот в течение всего дня 19 февраля 1937 года в редакцию одна за другой доставлялись радиограммы с нашей заметкой. 28 одинаковых радиограмм. Вернее, текст был одинаков. Но вверху указано было место, откуда радиограмма была отправлена, — Северный полюс — «УПОЛ», а потом шло название корабля, передавшего её на Большую землю. 28 разных кораблей приняли её от Кренкеля. и обязаны были передать дальше. Таков закон. Я и по сей день храню эти 28 радиограмм как память о незабываемой экспедиции.

Но вернемся к берлинской конференции. Установление единого сигнала бедствия — это был второй важный вопрос, который обсуждали делегаты. Предлагали разные сигналы. Но тут опять разгорелась битва между капиталистическими хищниками. Самая богатая фабрика «Компания Маркони» предложила сигнал из трёх разных букв азбуки Морзе. Первые две буквы были позывными всех раций этой фирмы, а третьей было латинское «d». Под этой буквой подразумевалось английское слово «danger», т. е. «опасность».

«Компания Маркони» навязала конференции этот сигнал, и он был принят. Но вскоре стало ясно, что тем самым делегаты совершили ошибку. Опять слишком много раций выходило в эфир с двумя буквами, означавшими позывные фирмы Маркони. В свисте морзянок трудно было разобраться: сигнал ли это бедствия или обычное установление связи для передачи какой-нибудь радиограммы.

Пришлось ещё раз собраться, теперь уже на 2-ю международную телеграфную конференцию. Это произошло ровно 65 лет назад, 3 ноября 1906 года. Долго спорили, горячились, пререкались о том, каким должен быть единый для всех сигнал бедствия. Договорились, что он должен быть самым простым, чтобы его сразу же можно было выделить среди других. И был принят следующий сигнал бедствия: «SOS». На языке телеграфа по азбуке Морзе он выглядел так: три точки, три тире, три точки. Все прочие сигналы были отменены.

В книгах о морских путешествиях, о кораблекрушениях вы, вероятно, читали, что сигнал «SOS» переводится как фраза «спасите наши души». Действительно, три слова этой фразы по-английски начинаются на буквы S, O и S. Её придумали английские моряки.

Когда сигнал бедствия «SOS» был введён на всех кораблях нашей планеты, то не только англичане, но и французы, и испанцы, и арабы, и русские, и японцы подобрали свою фразу под три буквы «SOS». Русские моряки переводили «SOS» так: «смертельная опасность, спасите!», «спасите от смерти», «страшная опасность, спешите». Как бы ни переводился этот сигнал на обычные языки, — во всех случаях в нём звучала тревога, призыв о немедленной помощи.

Единый сигнал бедствия «SOS» был принят, но сколько ещё осталось недоговорённого на конференции!..

Многие сотни морзянок круглые сутки продолжают передавать в эфир различные сообщения. Одни капитаны посылают в порты радиogramмы о месте, где они сейчас находятся в океане, другие запрашивают, какая ожидается погода, третьи получают распоряжения, куда, в какой порт следует идти за грузом... Одним словом, стоит только надеть наушники, начать вращать ручку приёмника, и покажется, что вокруг тебя летают тысячи птиц, наполняющие пространство сплошным свистом и писком. Быть может, где-нибудь терпит бедствие корабль, наскочивший на подводную гряду, трюмы его уже полны водой, капитан приказал радисту передать в эфир сигнал «SOS»... Но попробуйте в этом тысячеголосом свисте и писке поймать сигнал бедствия. Очень трудно. Опять надо было что-нибудь придумать: сделать так, чтобы сигнал бедствия был непременно услышан.

На очередной международной телеграфной конференции и решалась эта очень серьёзная и нелёгкая задача. Несчастье с кораблём в море происходит не по расписанию. Беда может прийти в любой час дня и ночи. Совершенно ясно, что сигнал бедствия может зазвучать в эфире в любое время суток. Значит, радистам всего мира прислушиваться к сигналу «SOS» надо постоянно.

Делегаты конференции внимательно обсуждали все предложения. И в конце концов было принято следующее решение, обязательное для всех флотов земного шара: в течение суток 48 раз должен устанавливаться «период молчания». Он длится от 15-й до 18-й минуты и от 45-й до 48-й минуты каждого часа. В течение трёхминутного «периода молчания» радисты, несущие вахту в радиорубке, обязаны только слушать, не раздастся ли сигнал бедствия.

Но установить «период молчания» — этого было ещё очень мало. Ведь каждая радиостанция ведёт передачу на своей волне. Не может же прислушивающийся к эфиру радист услышать одновременно сигналы, переданные на волнах разной длины!.. Он может сосредоточить своё внимание на какой-нибудь одной, определенной волне. Стало ясным, что сигнал бедствия, чтобы он был услышан, надо передавать строго на одной, известной всем радистам, волне. Длину этой волны определили в 600 метров, а так называемую международную частоту бедствия установили в 500 килогерц.

Теперь обстановка для приёма сигналов «SOS» значительно облегчилась. Как журналисту мне в своей жизни приходилось много плавать на пассажирских судах, на военных кораблях, на траулерах, про-

мышлявших рыбу в Баренцевом море, на ледоколах, крушивших белую броню в просторах Арктики. Не раз я наблюдал, как работают радисты. Среди многих приборов перед ними находятся часы.

Вот склонился Петя Любке над своим рабочим местом в радиорубке ледокола «Красин». На голове — наушники. Петя прислушивается к попискивающим сигналам. Для него они звучат так, как обычная человеческая речь. Любке тут же переводит сигналы в обычные слова и записывает их в радиожурнал. Но вот стрелка часов приблизилась к четверти второго. Работа немедленно прекращается. Ровно на три минуты. Петя настраивает свой аппарат на аварийную радиоволну и начинает слушать. Он поднимает вверх палец, давая понять мне, чтобы я не разговаривал. Быстро протекли три минуты. В эфире было всё спокойно. Через полчаса он снова будет вести наблюдение на международной частоте бедствия. И так два раза каждый час.

У вас может возникнуть вопрос: ведь радисты находятся в своей радиорубке не круглые сутки. Для приёма и передач у них отведено определённое время. В другие часы в радиорубке пусто. И может быть, в это время где-нибудь недалеко плывший корабль попал в тяжёлую аварию и даже катастрофу. Гибель судна неизбежна, люди высаживаются в шлюпки, в эфире звучит сигнал «SOS». Кто же его примет, если никто не несёт радиовахту на ближайших судах?

Нельзя ли создать такие аппараты, которые бы сами, без участия радистов, передавали сигналы «SOS» и сами же принимали их? Принимая сигналы бедствия, будили бы спящих радистов, привлекали к себе внимание штурманов, несущих вахту на капитанских мостиках. Многие учёные, инженеры, видные конструкторы работали над созданием таких умных радиоаппаратов. Они совершенствовались, и теперь на большинстве кораблей установлены так называемые «Автоалармы».

...Несколько лет назад австралийский пароход «Южный крест» попал в жесточайший шторм: управление судном было выведено из строя, и его несло по воле волн и ветра. Команда героически боролась за спасение судна. Механики, плотники, матросы изо всех сил бились, чтобы исправить управление. Капитан решил дать сигнал «SOS». Но в то время, когда он хотел отдать приказание, ему сообщили, что радиорубку залило волной, а радиста, выскочившего на палубу, унесло в морскую пучину. Это было уже совсем плохо. Ведь из-за этого «Южный крест» лишился возможности дать знать о своём крайне тяжёлом положении.

— Штурман! — крикнул капитан, — Каковы наши координаты?

Штурман дал лишь приблизительные координаты места, где в это время дрейфовало злосчастное судно.

Капитан сам побежал к радиорубке. Вода схлынула. В углу стоял тот самый «Автоаларм», о котором я сказал выше. На нём несколько ручек. Повернув две из них, капитан «Южного креста» набрал цифры, которые назвал штурман. После этого капитан нажал на центральную кнопку, и «Автоаларм» начал действовать. Вначале он послал в эфир 12 сигналов «тире», потом ушли в эфир позывные корабля, сигналы «SOS» и координаты терпящего бедствие судна... И так — непрерывно...

«Автоаларм» имел свои батареи, рассчитанные на шесть часов непрерывной работы.

Едва первые «тире» ушли в эфир, как на недалеко пlyingшем транспорте «Патагония» принял эти сигналы автоматический аппарат, настроенный на аварийную волну. И тут же этот аппарат, как говорят на море, «сыграл тревогу». Он зажёл аварийные синие лампочки и заставил их тревожно мигать. Лампы зажглись не только в радиорубке, но и на мостике и даже в каюте капитана. Одновременно начали дребезжать соединённые с аппаратом аварийные звонки. Мигом радист «Патагонии» очутился в рубке. Через две минуты он уже сообщал капитану транспорта:

— Пароход «Южный крест» терпит бедствие на такой-то широте и долготе, передаёт сигналы «SOS»...

В разбушевавшемся море трудно было управлять кораблём. Но раз принят сигнал «SOS», то надо немедленно идти на помощь. И «Патагония» свернула со своей дороги.

Когда транспорт, наконец, оказался в предполагаемом районе, где погибал «Южный крест», пароход уже потонул. Но зато ещё держались на воде четыре шлюпки с командой. С большим трудом подняли моряков на борт «Патагонии». Люди были спасены. А что было бы с ними, если бы на борту «Южного креста» и «Патагонии» не было «Автоалармов»?

Теперь большинство кораблей имеет на борту несколько радиостанций — одну главную, другие аварийные. Главная рация пользуется для работы электроэнергией, которую она получает от электростанции корабля. Аварийные же могут работать независимо, на своей энергии, заключённой в виде батарей или аккумуляторов внутри установки. Такие «аварийки», работающие без радистов, устанавливают даже на спасательных шлюпках. Имея такую «аварийку», заставив её посылать в эфир сигналы бедствия и координаты, можно наверняка надеяться, что кто-нибудь да придёт на помощь.

Такова краткая история сигнала «SOS» от момента его рождения до наших дней. По законам морского братства, все моряки обязаны откликаться на этот сигнал бедствия. Морская пучина продолжает глотать жертвы кораблекрушений. Но их становится всё меньше.

Радио вооружило корабли слухом. Наука продолжает поиски, с тем чтобы сделать радиосвязь ещё более совершенной, более устойчивой, легко управляемой. И тогда человек станет сильнее самой злой стихии.

ПЕШКОМ... 7319 ВЕРСТ

Преодолеl столь большое расстояние сибиряк, русский казак А. Л. Назимов. К берегам Невы он отправился пешком из пограничного с Монголией города Кяхты 2 марта 1840 года. Через год он достиг цели — прибыл в Петербург.

А. Л. Назимов 30 лет служил в Забайкальском казачьем полку. В 50 лет, выйдя в отставку, захотел своими глазами посмотреть Россию и её столицу. Шёл он налегке, с котомкой за плечами. На восьмой месяц прибыл в Казань, осмотрел кремль. Памятники старины очень интересовали путешественника. Он заносил в свой путевой дневник все сведения о них. В Петербурге казак провёл полтора месяца. Побывал он также в Москве и Киеве.

По его дневникам В. Беккером была написана книга «Жизнь и описание путешествия казака Назимова», которая теперь стала библиографической редкостью.

КОМПОЗИТОРУ 16 ЛЕТ

На сцене Каунасского государственного музыкального театра (Литва) показан необычный спектакль — опера-сказка. В нём были заняты ученики первых-четвёртых классов местной средней школы искусств. Музыку к спектаклю написала 16-летняя ученица той же школы Юрате Балтрамеюнайте.

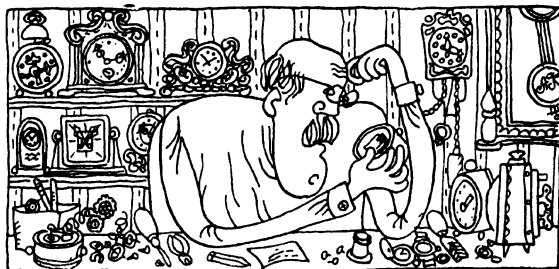
Юрате уже несколько раз участвовала в республиканских конкурсах юных исполнителей и дважды завоевывала звание лауреата.

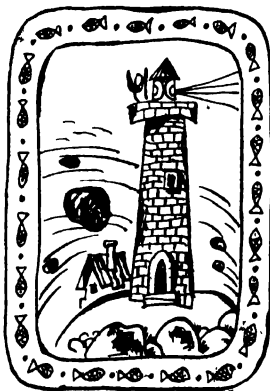
МОРСКИЕ ЛЬВЫ — СКАЛОЛАЗЫ

В районе островов Малой Курильской гряды обнаружено редкое лежбище морских львов — сивучей. В двух милях от острова Полонского есть скала Пещерная. Морской прибой придавал ей фантастичеcкую форму огромных каменных ворот высотой в 26 метров. Вот эту природную арку и облюбовали для лежбища морские львы. Они забираются на неё, а когда приходит желание «пообедать», с высоты уступов с шумом ныряют в воду.

ЧАСЫ БЕЗ... ЦИФЕРБЛАТА!

На Пензенском часовом заводе созданы кварцевые настольные часы. В отличие от обычных они не имеют механических движущихся деталей. У новых часов нет циферблата и стрелок. Вместо них — табло с цифрами. «Сердце» часов — кварцевая пластинка. Под воздействием электрического поля она колеблется с постоянной частотой. Эти колебания преобразуются в импульсы. Точность часов — плюс-минус секунда в месяц.

...разрушительная сила разбушевавшегося моря достигает фантастических размеров? В Соединённых Штатах, например, отмечен случай, когда море выбросило камень весом 61 килограмм на дом служителя маяка, расположенный на высоте 30 метров выше уровня моря. На острове Унст из архипелага Шетландских островов в здании маяка были выбиты двери, расположенные на высоте 60 метров над уровнем моря. Огромные морские волны часто «вооружаются» камнями или обломками скал, что значительно увеличивает их разрушительную силу.

...в Голландии разработан новый тип упаковки пищевых продуктов? Особенность её в том, что она аккумулирует холод и позволяет транспортировать продукты не в вагонах-холодильниках, а обычным способом. Упаковка изготовляется из особой желеобразной массы, состав которой является секретом фирмы. Испытания показали, что новая упаковка сохраняет температуру минус 18 градусов Цельсия в течение четырёх дней при 40-градусной жаре.

...в Таджикистане, за тысячи километров от морских побережий, можно собрать ожерелье из... зубов акул? В юго-западных отрогах Гиссарского хребта геологи обнаружили удивительное «кладбище» гигантских акул. Миллионы лет назад они обитали в тёплом море Тетис, скрывавшем большую часть нынешнего Памира. Найденные зубы и сейчас не потеряли своих «боевых качеств» — они остры как бритва и крепки как сталь.

...все позвоночные животные обладают памятью? Продолжительность запоминания у животных неодинаковая. У рыб она самая короткая. Ящерицы и черепахи сохраняют впечатления несколько минут, а птицы — два-три дня. Кошки и собаки в этом отношении «рекордсмены» — они хранят в памяти отражения окружающего мира неделями.

...советские полярники обнаружили в Антарктиде... мумии? Натёки «древнего бальзама» попадались на скалах как высоко в горах, так и в нишах вблизи побережья. Антарктические образцы мумий — восстано-

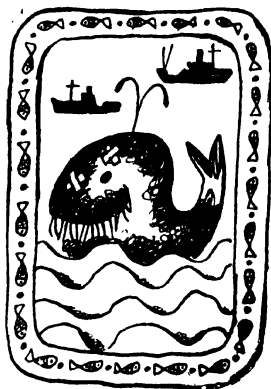
добные образования, толщиной до пяти сантиметров. Учёные полагают, что это продукт жизнедеятельности каких-либо организмов.

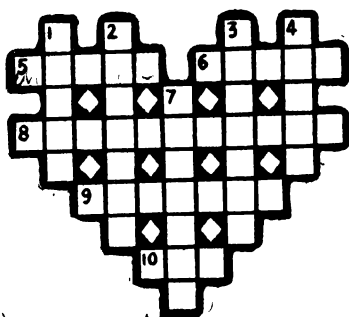

...в бассейне реки Амазонки (Южная Америка) обнаружено племя индейцев, которые до сих пор пользуются каменными орудиями труда? Все попытки установить с ними контакт ни к чему не привели. Всё племя, насчитывающее до 200 человек, живёт в одной огромной хижине.

...морская хроника ежегодно отмечает случаи столкновений судов с... нитами? В 1963 году столкнулось с китом крупнотоннажное судно — дизель-электростанция «Ярославль», в 1964 году — лайнер «Иберия», в 1965 году — танкер «Амшат», в 1966 году — лайнер «Марипоза». Известны случаи, когда морские исполины таранили суда. Они пробивали обшивку корпуса, создавали аварийную обстановку и даже вызывали гибель судна. Такие случаи имели место в японском рыболовном флоте. Почему ниты нападают на корабли? Учёные ищут ответ.

1+2+3+4...

Даны четыре слова: Жуковский, Лермонтов, Саянов, Сурков.

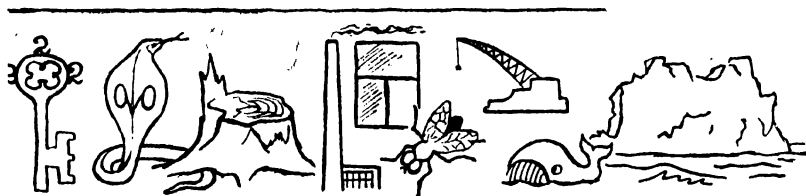
Взяв из одного слова одну букву, из другого — две, из третьего — три и из четвертого — четыре, вы напишете фамилию выдающегося советского поэта...

Слова следует брать не в том порядке, в каком они у нас перечислены. Во всех случаях, когда нужно брать больше одной буквы, буквы эти должны быть в слове смежными, то есть стоящими рядом.

По горизонтали. 5. Математический знак. 6. Популярный советский кинбэктер. 8. Строительный материал. 9. Персонаж романа А. Толстого «Хождение по мукам». 10. Произведение Т. Г. Шевченко.

По вертикали. 1. Влажный тропический лес. 2. Оружие. 3. Континент. 4. Наводнение. 7. Сельскохозяйственная специальность.

ГОЛОВОЛОМКА

Если вы сумеете воспользоваться ключом, то прочтёте здесь имя русского двадцатипушечного брига, геройски сражавшегося с 220 пушками двух сильных кораблей про-

тивника и с честью выдержавшего этот неравный бой.

Подвиг корабля вошёл в историю как образец беспримерной преданности боевому долгу и беспредельной любви к Родине.

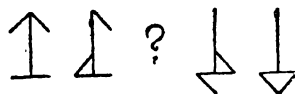
ВЕСЁЛЫЙ ПЕРЕВЁРТЫШ

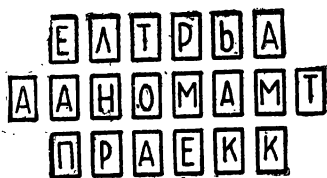
Обратите внимание на то, что этот ребус — перевёртыш: его можно решать и перевернув «вверх ногами», решение получится то же самое.

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Как вы думаете, какое изображение должно быть на месте вопросительного знака?

БУКВОГРАММА

Не перенося карточек из одного ряда в другой, переложите их так, чтобы можно было прочесть словицу.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 10)

КРОССВОРД

По горизонтали. 3. Доход. 6. Директива. 8. Прожектор. 9. Новолуние. 10. Жираф.

По вертикали. 1. Море. 2. Корт. 4. Киприот. 5. Автожир. 7. Креол. 10. Овин. 11. Удав.

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ШИФРОВАНИЕ

Зашифровано слово «Искорка». Место буквы О от начала слова даёт число, каждые два числа дают по таблице, на пересечении соответствующих горизонтали и вертикали, нужную букву.

ШИФРОГРАММА

Между лиловых облаков
Однажды вечера светило
За снежной цепью холмов,
Краснея ярко, заходило...

Содержание

Песенка друзей. Слова В. Шумилина, музыка В. Кузнецова	1
Поправки к географии. Очерк Н. Ермоловича	2
Следы на колоннах. Рассказ Николая Внукова	8
Мой край. Здравствуй, лето. Много ли нужно мне? Учитель. Непокорённая. Слова. Стихи Александры Мишариной	17
Когда я была мужчиной... Окончание рассказа Валентины Чудаковой	20
Юлька-заморыш. Продолжение повести Бориса Раевского	33
Клинок и книга. Статья Вл. Сашонко	45
Голос, знакомый всем. Статья А. Кириченко	51
Sos! Sos! Sos! Статья Эд. Аренина	54
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки — рисунок художника Ю. Бочкарёва «Живой свидетель».

На 2-й странице обложки — фото О. Бахарева «В Разливе всегдалюдно».

На 3-й странице обложки — ноты к «Песенке друзей».

На 4-й странице обложки — рисунок художника П. Вискова «Салют над Невой».

Редактор В. Л. БИАНКИ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, В. Н. Суслов (редактор-составитель)

Адрес редакции: Ленинград (191023) Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55

Сдано в набор 30/IX 1971 г. Подписано к печати 2/XI 1971 г. 4 п. л. М-35235. Зак. № 433. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата Ленинград, Фонтанка, 57

1. Где ты, где ты, песенка, песенка моя?

Улетела песенка в дальние края.

Настигает песенку звонкий стук копыт: догоняет песенку

маленький джигит. С улыб.

кой доброй песенка

се.

ла на ко-ня.

Как по-да-рок песенка

дру-гу от ме-ня.

Для повторения.

Для окончания.

// дарят мне друзья.

И мо-ю же

пе-сен-ку

дарят мне дру-зья.

